С. Г. Нам

ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КНДР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. Г. НАМ

ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КНДР

(1945—1962 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1970

327.117
Н24

Ответственный редактор
Ф. И. ШАБШИНА

Монография посвящена одной из актуальных и малоизученных проблем корееведения — формированию новой, народной интеллигенции в КНДР. В книге впервые в советской литературе рассматриваются вопросы привлечения старых корейских специалистов к социалистическому строительству и процесс создания интеллигенции как одна из закономерностей социалистического строительства.

6-1
108-70

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важных общих закономерностей строительства социализма — осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу и делу социализма.

В современную эпоху, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, исследование закономерностей становления социалистической культуры имеет большое теоретическое и практическое значение. Изучение опыта культурной революции в КНДР, формирования там новой, народной интеллигенции важно не только для трудящихся масс Кореи, но и для народов, которым предстоит встать на путь социализма. КНДР, накопив за годы народной власти опыт социалистического культурного строительства, вносит свой вклад в коллективную практику мирового социализма, который «вбирает в себя все богатство и многообразие революционных традиций и опыта, порождаемого творчеством трудящихся разных стран» [46] [1].

Социалистическое культурное строительство в КНДР — одно из наглядных свидетельств великой и жизнеутверждающей силы марксистско-ленинских положений о культурной революции, их большого международного значения. На социалистическое обновление духовной жизни корейского народа большое влияние оказал опыт культурной революции в СССР. Корейский народ вместе с другими братскими народами широко использовал советский опыт массовой ликвидации неграмотности и малограмотности населения, создания новой системы средней и высшей школы, перевоспитания старых специалистов, формирования новой интеллигенции, развития научной мысли.

[1] Цифры в прямых скобках означают: первая — номер издания в приложенной к книге библиографии, следующие — номера страниц.

Наличие мировой социалистической системы, развитие культурного сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами способствовали ускорению культурного развития в КНДР. Победное шествие социализма в мировой истории, демонстрируя неодолимость и жизненность марксистско-ленинского учения, превосходство социалистической системы, содействовало идейному завоеванию на сторону народной власти значительных групп буржуазной интеллигенции.

Эти объективные факторы, возникшие и действующие в условиях мировой социалистической системы, сказались на всем развитии культурной революции в КНДР, как и в других странах социалистического лагеря, и облегчили решение многих ее проблем.

Новые исторические условия требуют творческой разработки конкретных методов культурного строительства. При наличии общих закономерностей в основном и главном марксистская теория учит необходимости учитывать специфику, ибо, как говорится в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г., «игнорирование национальных особенностей пролетарской партией непременно ведет ее к отрыву от жизни, от масс, непременно наносит ущерб делу социализма, и, наоборот, преувеличение роли этих особенностей и отход от всеобщей истины марксизма-ленинизма о социалистической революции и социалистическом строительстве под предлогом национальных особенностей также непременно наносит ущерб делу социализма» [69, 13].

При этом специфические черты развития социалистической культурной революции в отдельных странах марксистская наука рассматривает в тесном диалектическом единстве с общими закономерностями этой революции. Национальные особенности, как известно, в одних случаях облегчают, а в других — затрудняют проведение революционных преобразований. В КНДР проведение социалистических преобразований в духовной жизни усложнили трехлетняя разрушительная война 1950—1953 гг., а также существующее расчленение страны на две части и наличие в Южной Корее антинародного реакционного режима, которое обостряет идеологическую борьбу внутри страны. Вместе с тем напряженная обста-

новка в стране, возникшая в результате этого расчленения, вынуждает правительство КНДР тратить на оборону большие средства, часть которых могла бы быть использована на культурное строительство.

Такие же национально-локальные особенности, как исторически сложившийся однонациональный состав населения, относительно слабое влияние религии на общественную жизнь, облегчили и ускорили осуществление социалистической культурной революции.

Одной из главных задач и характерных черт социалистического строительства в области культуры является создание новой, подлинно народной интеллигенции, непосредственно выражающей в разных областях культуры, науки и техники коренные интересы победивших масс, для которой эти интересы были бы собственным, кровным делом. Интеллигенция играет большую роль как в создании материально-технической базы социализма, так и в создании новой культуры. Без своих специалистов рабочий класс не может построить новое общество. При этом проблема создания национальных кадров включает в себя также перевоспитание и использование рабочим классом передовых представителей старой интеллигенции.

Длительность и сложность идеологического перевоспитания старой интеллигенции в духе социализма в различных странах зависит от специфических условий их исторического развития: в одних — это более трудный и продолжительный процесс, в других — относительно менее сложный и не столь длительный. Но перевоспитание ее — обязательное явление, закономерность в создании новой, социалистической интеллигенции. Опыт строительства новой, социалистической культуры в странах народной демократии со всей очевидностью показывает, что непременным условием перевоспитания старой интеллигенции в духе социализма является диктатура пролетариата, руководство обществом со стороны рабочего класса.

В социалистических странах, во главе которых стоят коммунистические партии, твердо следующие марксистско-ленинским принципам, достигнуты большие успехи в экономическом строительстве, в осуществлении культурной революции: всемерное развитие народного просвещения, повышение культурно-технического уровня всего на-

селения и создание многочисленной народной интеллигенции. Все эти условия позволяют им принимать деятельное участие в современной научно-технической революции. Вместе с тем ускоренное осуществление технического прогресса в настоящее время стало для социалистических стран насущной объективной необходимостью, обусловленной новыми задачами социалистического и коммунистического строительства, а также ходом экономического соревнования с капитализмом.

В этих условиях чрезвычайно возросла роль умственного труда, значение научно-технической интеллигенции. В настоящее время создание интеллигенции, чьи знания соответствуют современному уровню развития науки и техники, стало одной из важнейших задач каждой социалистической страны.

Социалистические страны по ряду направлений научно-технического прогресса вышли на передовые позиции в мире и держат курс на дальнейшее сохранение и развитие этого положения. Но, как отметил в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в июне 1969 г., Л. И. Брежнев, достижение «нового серьезного сдвига в развитии науки и техники — дело очень сложное, связанное с большими усилиями и значительными капиталовложениями. Оно требует подготовки огромного количества кадров... Необходимо и повышение образованности, профессиональных знаний миллионов и миллионов людей, которым предстоит работать с новой техникой» [46].

Между развитием науки, техническим прогрессом и ростом промышленности существует не только тесная связь прямого порядка, но и принцип обратной связи. Быстрое развитие науки ускоряет технический прогресс, а рост промышленности и расширенное воспроизводство создают материальные условия для ускоренного развития науки.

С движением общества по пути прогресса растет роль и значение всех отрядов интеллигенции, а не только научной и технической. Обострение идеологической борьбы между социализмом и капитализмом требует высокой партийности и классовости идейных позиций интеллигенции вообще, гуманитарной ее части в особенности, ибо последняя является опорой партии в ее теоретической деятельности. В связи с этим особое значение приобрета-

ет идеологическое воспитание интеллигенции в духе марксизма-ленинизма. Понятно, как губительны последствия, к которым приводит так называемая культурная революция в Китае. Систематические репрессии против интеллигенции, партийных и государственных деятелей представляют большую опасность для страны, получившей в наследство от прошлого крайнюю отсталость, ибо приводят наряду с огромным политическим и идейным ущербом к потере темпа развития как научно-технического, так и экономического в целом.

Изучению проблемы создания основных отрядов новой, народной интеллигенции в КНДР — стране, относительно недавно освободившейся от колониального угнетения и строящей социалистическое общество в условиях существования мировой социалистической системы, и посвящена данная работа. Автор пытался показать процесс формирования новой интеллигенции как одно из конкретных проявлений общих закономерностей социалистической культурной революции в специфически национальных условиях КНДР. Осуществление социалистической революции в области культуры представляет большие трудности, так как касается той сферы общественной жизни, где влияние колонизаторов было очень сильно и устойчиво.

Рассматривая проблему перевоспитания старой корейской интеллигенции, автор сделал попытку сравнить отдельные аспекты этого процесса в КНДР и в некоторых европейских странах народной демократии. В работе изучаются основные этапы политики ТПК в области подготовки новой корейской интеллигенции (1945—1962 гг.), условия, вызвавшие необходимость преимущественной подготовки технических и научных кадров, а также мероприятия ТПК, направленные на творческое решение проблемы создания кадров.

Практика культурного развития страны показала, что наиболее ощутимые, эффективные результаты в подготовке высококачественных специалистов дало комплексное решение вопроса, включающее проблемы развития школьного образования, высшей школы и потребностей производства. С изменением роли и места науки в производстве и в жизни общества возрастает и роль системы образования. Уровень грамотности населения, имеющий важное значение для овладения специальными знания-

ми, постановка работы в системе среднего и высшего образования взаимосвязанны и представляют единые звенья политики рабочего класса и его партии в формировании новой интеллигенции. В свою очередь система образования, как свидетельствует и опыт КНДР, оказывает влияние на развитие науки. В нынешний век научно-технической революции эта взаимосвязь между образованием и такими социальными институтами, как наука и материальное производство, носит весьма подвижный и динамичный характер. Автор пытался учесть эти обстоятельства при рассмотрении материалов реформ народного образования, высшей школы и реорганизации научных учреждений в КНДР.

Процесс создания новой, социалистической интеллигенции в КНДР показан в тесной связи с существованием социалистического содружества стран, взаимопомощи и взаимовлияния между ними.

ГЛАВА 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ

Строительство нового, социалистического общества, возглавляемого рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией, не может осуществиться без участия старой интеллигенции. Это наглядно подтвердил богатый опыт привлечения и использования старых специалистов, накопленный Советским Союзом в ходе социалистического строительства. В. И. Ленин писал: «Мы не утописты, думающие, что дело строительства социалистической России может быть выполнено какими-то новыми людьми, мы пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы ставим в новые условия, окружаем их соответствующим контролем, подвергаем их бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнять необходимую нам работу. Только так и можно строить» [24, 6].

Рабочий класс России, совершивший величайший в истории политический переворот, пользовался в прошлом, при эксплуататорском строе, ничтожной долей достижений человеческой культуры. Он не имел ни научной подготовки, ни опыта управления производством и государством, столь необходимого для строительства нового, социалистического общества. С приходом рабочего класса к государственной власти ему необходимо было возможно быстрее и полнее овладеть достижениями культуры, созданной в прошлом. Овладеть ими мог пролетариат путем использования старых специалистов. В. И. Ленин писал: «Их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма» [18, 263].

После освобождения в Корее, как и в других странах народной демократии, создание нового государственного аппарата, новой культуры, проведение коренных преобразований общества и народного хозяйства потребо-

вали образованных и высококвалифицированных кадров. Их недостаток, потребность в специалистах ощущались во всех без исключения областях материальной и духовной жизни.

Для удовлетворения потребностей общества в специалистах рабочему классу Кореи было необходимо сразу после взятия политической власти в свои руки приступить к подготовке новой, народной интеллигенции. Но поскольку этот процесс требует определенного времени, а каждодневная практика строительства нового общества не ждала, то перед новой властью со всей остротой встал вопрос об использовании старых специалистов. Эти специалисты были нужны также и для подготовки новых кадров.

Положение интеллигенции до освобождения страны

Японские империалисты в период своего колониального господства в Корее всемерно ограничивали просвещение корейцев и препятствовали созданию корейской национальной интеллигенции. Это было вызвано опасениями колонизаторов, что просвещение корейского народа укрепит в нем чувство национального самосознания и достоинства, стремление к независимости, к самостоятельному развитию.

В колониальный период для основной массы корейцев образование ограничивалось начальной школой; для подавляющего большинства корейских детей среднее образование было недосягаемым. Во всех средних школах Кореи до освобождения обучалось лишь 1,8% корейских учащихся [173, 14]. И это были главным образом дети помещиков и капиталистов, составлявших социальную опору японского империализма.

Несмотря на то что школы разделялись по национальному признаку (на корейские и японские), преподавание велось только на японском языке, корейский язык был запрещен. В учебном плане начальной школы (с шестилетним обучением) центральное место отводилось таким дисциплинам, как «исправление совести» (мораль), государственный, т. е. японский, язык и история Японии. Эти дисциплины составляли почти половину учебной нагрузки (как и в средней школе). Школа воспитывала в ко-

рейских детях чувства верноподданничества, рабской покорности японским колонизаторам.

Очень немногие из молодых корейцев обучались в технических школах и специализированных реальных училищах, включенных в систему средней школы. Но в отличие от средних школ, подразделявшихся на японские и корейские, обучение в специализированных школах и училищах было совместным. Наряду с общеобразовательными они давали еще и специальные знания по торговле, агрономии и промышленности. Училища готовили специалистов средней квалификации.

Кроме того, были также школы и колледжи частных организаций и христианских миссий. Христианские миссии стремились расширить идеологическое влияние на корейцев и тем самым упрочить свои позиции в стране. Однако колониальные власти, боясь распространения антияпонских настроений и демократических идей, предпринимали все меры к тому, чтобы ограничивать деятельность частных школ и колледжей.

Несмотря на принятые меры, японские колонизаторы не могли полностью задержать процесс формирования национальной интеллигенции, однако стремились подчинить его своим целям. Для подготовки учителей начальных корейских школ они создали так называемые нормальные школы. В 1941 г. их было 11 [179, 369]. Контингент учащихся таких школ тщательно отбирался: принимали наиболее преданных, верноподданнически настроенных. Подготовку таких кадров колониальные власти всячески поощряли: учащимся даже выплачивали стипендию. При общей ненависти корейцев к своим поработителям японским империалистам было выгодно насаждать колонизаторскую идеологию среди корейской молодежи руками самих корейцев. Подобная политика была выгодна колонизаторам еще и потому, что она создавала иллюзию равноправия корейцев с японцами в получении образования.

Если среди педагогов начальных корейских школ преобладали преподаватели-корейцы, то во всех остальных учебных заведениях подавляющее большинство преподавателей составляли японцы.

По данным А. Гражданцева, в 1938 г. в государственных начальных школах работали 8520 преподавателей-корейцев и 5745 преподавателей-японцев [111, 397]. Зато

в средних школах (для корейцев) в 1939 г. работали 56 учителей-корейцев и 333 учителя-японца. Исключением были только частные средние школы, где большинство учителей составляли корейцы (201 против 34 японцев) [198, 1948, № 8, 55], в основной массе своей патриотически настроенные.

Следует заметить, что указанные цифры в основном относятся к югу страны. Здесь (главным образом в Сеуле) были сосредоточены все пять высших учебных заведений страны: университет, медицинский, фармацевтический, агрономический и юридический колледжи. На севере было всего лишь три технических училища (промышленное, коммерческое и агрономическое) и шесть педагогических техникумов [95, 1949, 127], но ни одного высшего учебного заведения. В Северной Корее в 1944 г. насчитывалось всего 13 408 учителей-корейцев, среди них 12 141 были учителями начальной и 1267 — учителя неполной средней школы [95, 1949, 127].

Такие учебные заведения, как технические школы, реальные училища, «нормальные» школы и колледжи, в какой-то мере способствовали подготовке корейских специалистов средней квалификации. Эти специалисты составляли подавляющее большинство старых национальных кадров.

Что же касается высших учебных заведений Кореи, то там в основном обучались японцы. В Сеульском университете они также составляли большинство.

После освобождения в Северной Корее среди старых специалистов самыми многочисленными были преподаватели. В 1944 г. их насчитывалось 13 408, а в 1946/47 учебном году — 21 089 [93, 171], в том числе 402 преподавателя специализированных средних школ и 141 преподаватель высших учебных заведений.

Медицинских работников в колониальный период готовили два медицинских колледжа и ряд училищ. В 1946 г., после освобождения страны, насчитывалось 1009 врачей и фельдшеров — корейцев [93, 187].

Еще хуже обстояло дело со специалистами в различных отраслях промышленного производства. В колониальной Корее, которой японские империалисты отводили роль плацдарма для нападения на СССР, все руководящие должности и посты производственно-технической

службы были заняты инженерно-техническим персоналом японской национальности. Это касалось прежде всего промышленности северной части страны, где были сосредоточены основные военные предприятия. Корейцам не доверяли.

Их не допускали не только на командные посты, но даже на работу в качестве специалистов среднего звена. Это была строго рассчитанная и целенаправленная политика колонизаторов, стремившихся изолировать промышленное производство военного характера от корейского населения.

С началом второй мировой войны Корея была превращена в крупную сырьевую военно-промышленную базу японских империалистов, где ускоренными темпами развивались многие отрасли тяжелой промышленности. Быстро росли и национальные, корейские предпринимательские объединения [1].

Развивающиеся отрасли промышленности нуждались в инженерно-технических работниках. Казалось бы, возрастание активности национального капитала значительно увеличивало роль национально-технических кадров в сфере производства и обслуживания. Но этого не произошло.

Лишь в последние годы второй мировой войны на некоторых предприятиях в виде исключения работали корейские специалисты. К моменту освобождения страны на трех заводах работали восемь человек: на металлургическом заводе в г. Хванхэ — один, на металлургическом заводе в г. Сончжине — трое и на заводе искусственных удобрений в г. Хыннаме — четверо [200, 1962, № 7, 14].

Весной 1943 г. во всей Корее работал 1881 инженер-кореец, в то время как инженеров-японцев было 8140. По отраслям промышленности специалисты-инженеры распределялись так [209, 11.III.1947]:

---

[1] По выводам В. И. Шипаева, основная масса капиталов представителей крупной корейской буржуазии «была сосредоточена в области финансов, в сельском хозяйстве, в горнорудной промышленности, в текстильной, химической и машиностроительной отраслях обрабатывающей промышленности». Кроме того, крупные финансовые воротилы национальной буржуазии были допущены также «в святая святых японского бизнеса — энергетическую промышленность» [162, 228—230].

Отрасль	Корейцы	Японцы	Итого
Металлургическая	150	1281	1431
Машиностроение	326	1224	1550
Химическая	239	2139	2378
Газовая и электрическая	253	806	1059
Керамика	49	218	267
Текстильная	154	470	624
Деревообделочная	30	83	113
Пищевая	121	304	425
Полиграфическая	2	6	8
Строительная	547	1508	2055
Оружейная	10	101	111
Всего . . .	1881	8140	10 021

Большинство инженеров-японцев работали на промышленных предприятиях севера, а инженеров-корейцев — юга. Так, в конце 1943 г. в четырех отраслях промышленности Северной и Южной Кореи существовало следующее соотношение корейских и японских специалистов:

Отрасль	Северная Корея	Южная Корея
	Корейские специалисты[2]	
Машиностроительная	96	259
Металлургическая . .	88	54
Химическая	111	129
Горнорудная	1024	178
	Японские специалисты	
Машиностроительная	479	696
Металлургическая . .	1070	169
Химическая	1795	362
Горнорудная	1840	446

Если в основных отраслях промышленности — машиностроительной, металлургической и химической — подавляющее большинство корейских специалистов было сосредоточено на юге, то в сфере добывающей промышленности (горнорудной) наблюдалась несколько иная картина. Это объяснялось прежде всего тем, что север был центром добывающей промышленности Кореи.

Условия войны требовали бесперебойного снабжения

[2] Понятие «специалисты» («кисульчжа») включает наряду с инженерами и техниками также и рабочих-практиков.

военных заводов сырьем. Испытывая серьезную нехватку специалистов и рабочей силы, японские власти вынуждены были допускать корейцев в некоторые отрасли промышленности.

Жесткие условия были установлены колониальными властями и на транспорте. Корейский транспорт имел важное стратегическое значение в агрессивной политике японских империалистов на материке, в многочисленных проектах и планах агрессии, разработанных в 40-х годах, железнодорожному транспорту Кореи отводилось весьма важное место. Так, в программе генерал-лейтенанта Сато Кюкацу, разрабатывавшей направления японской экспансии на Азиатском материке, наряду со многими мероприятиями предусматривалось: перенесение столицы Японии с островов на континент, временно в Корею, а затем в Маньчжурию или Монголию; создание новой железнодорожной системы, связывающей воедино Корею, Маньчжурию и Монголию. Программа предусматривала, что в дальнейшем эта железнодорожная сеть должна быть распространена на Восточную Сибирь [122, 85].

В плане Сато, как и во многих ему подобных, Корея с ее железнодорожной сетью рассматривалась как исходный пункт в осуществлении далеко идущих планов японской агрессии. Именно поэтому колониальные власти самым тщательным образом отбирали инженерно-технических работников транспорта. Управление всеми железными дорогами страны было сосредоточено в руках японцев. Строжайшему отбору по национальному признаку подверглись квалифицированные рабочие транспорта, например паровозные машинисты. После освобождения страны во всей Северной Корее насчитывалось всего несколько десятков машинистов-корейцев.

Все это свидетельствует о том, что корыстные цели японских колонизаторов прямым образом отражались на подготовке технических специалистов Кореи. Однобокость и милитаристский характер промышленности колониальной Кореи предопределили и состояние технического образования в стране: до освобождения в ней не было ни одного высшего технического учебного заведения.

Высшее техническое образование богатая корейская молодежь могла получить в Японии, США, Германии и других странах. В учебных заведениях крупных японских городов обучалось немало корейской молодежи, среди

которой были и выходцы из мелкой буржуазии. По материалам японских статистических изданий «Статистические данные по экономике Кореи» можно судить, что в 1926 г. в высших учебных заведениях Японии обучалось около 4 тыс. корейских студентов [156, 52]. Большинство их получали специальности, не имеющие прямого отношения к основным отраслям промышленного производства: по педагогике, юриспруденции, торговле, строительному делу и т. д. Свою национал-гегемонистскую политику в области технического образования японские власти провели как в колонии, так и в метрополии. Вся их деятельность, направленная на ограничение технического образования корейцев, мешала формированию корейской технической интеллигенции, задерживала развитие национальной научно-технической мысли.

Национальная буржуазия самой Кореи была слишком слаба, чтобы взять на себя инициативу создания высших учебных заведений с целью подготовки нужных ей технических кадров. Это становится особенно очевидным при сравнении состояния технического образования в Корее и в других тогдашних колониях, например в Индии. В этой английской колонии за столетие (1847—1947) были созданы на средства крупнейших капиталистов, магарадж, буржуазно-помещичьих кругов десятки технических институтов, среди которых был и институт ядерной физики при Калькуттском университете (основанный на средства капиталиста Д. Тата) [152, 22—39].

К 30-м годам XX в. в колониальной Индии (по данным, приводимым в книге А. Г. Смирнова) значительная часть англичан — младших технических специалистов на предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу (не говоря уже о национальных предприятиях!), была заменена индийцами [152, 13].

Политика ограничения и сдерживания технического образования колониальных народов характерна вообще для империалистической буржуазии — будь то английская или японская. Но в силу специфичности условий развития каждой из колоний, особенностей борьбы их прогрессивных сил за национальное освобождение, взаимоотношений колоний с метрополией и многих других причин уровень экономического развития колоний различался, как и экономический потенциал колониальной буржуазии. Разным был и уровень развития образования.

Одна из причин различия в уровне развития технического образования в Индии и в Корее, на наш взгляд, заключалась в той роли, которую каждая из колоний играла в жизни метрополии. Индия была хотя и самой крупной и богатой, но не единственной колонией в огромной британской колониальной державе. Английская буржуазия ряд веков обогащалась добром, награбленным в обширных колониальных владениях, разбросанных по всему свету.

Корея же долгое время была почти единственной колонией Японии и ее важнейшим аграрно-сырьевым придатком. Империалистическая Япония, ставшая на путь захватов позже других колониальных держав, в начале XX в. с алчностью проголодавшегося зверя набросилась на свою первую жертву, пытаясь наверстать упущенное. Это обстоятельство, на наш взгляд, предопределило (среди прочих условий) особую жестокость и изощренность в средствах и методах эксплуатации японскими империалистами колониальных народов. Говоря о японском методе эксплуатации Кореи, В. И. Ленин писал: «Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством» [36, 61].

Изощренно жестокие методы эксплуатации и грабежа были распространены японскими колонизаторами на все сферы экономической, политической и общественной жизни Кореи. Этой участи не избежало и техническое образование корейцев.

Но при всей последовательности гегемонистской политики в области технического образования японским империалистам не удалось приостановить процесс создания корейской технической интеллигенции. Стремясь распространить свое идеологическое влияние среди корейского населения через специалистов, подготовленных в японских высших учебных заведениях, колониальные власти допускали корейцев (правда, в единичных случаях) в технические институты. Особенно это практиковалось в конце 30-х годов и в период второй мировой войны. При Сеульском императорском университете в 1938 г. был открыт промышленный факультет [94, т. 2, 372]. Но сколько-нибудь существенного влияния на подготовку корейских технических специалистов он не мог оказать, потому что был создан вовсе не для подготовки корейских спе-

циалистов и доступ корейцам к нему был ограничен; кроме того, факультет открылся накануне второй мировой войны и полного разгрома Японии как колониальной державы [3].

В 1918 г. в Америку на обучение из Кореи прибыл 541 студент, а за 1921—1940 гг.— только 289 студентов [96, 543]. Однако в развитых капиталистических странах Европы и Америки могли обучаться, конечно, только богатые корейцы. Если на обучение в японских высших учебных заведениях могли рассчитывать также выходцы из зажиточных семей деревни, из сельской и городской мелкой буржуазии, то двери высших учебных заведений других капиталистических стран для них были закрыты: материальные затраты на дорогу и обучение там росли прямо пропорционально расстоянию от Кореи. Получение высшего технического образования в условиях колониальной Кореи, при всемерном его ограничении для корейцев, было доступно лишь представителям корейской буржуазии и крупных помещиков.

Все это позволяет сделать вывод, что по своему социальному происхождению старая корейская техническая интеллигенция была в основном из буржуазно-помещичьей среды.

Техническое образование в самой Корее сводилось главным образом к ремесленному обучению. Первоначально японцы препятствовали даже созданию кадров квалифицированных рабочих. Но в 30-е годы, в период усиленной подготовки к войне, японские колониальные власти столкнулись с острой нехваткой технических специалистов средней квалификации и квалифицированных рабочих. Прежняя политика ограничения доступа корейцев к техническим знаниям оказалась своеобразным бумерангом: нехватка квалифицированных специалистов стала серьезным препятствием на пути осуществления агрессивных планов японского империализма.

В эти годы значительно выросло число технических школ, о чем можно судить по следующим данным [179, 369]:

[3] После окончания второй мировой войны, в 1946 г., все высшие и средние специальные учебные заведения Южной Кореи (на территории которой остались все прежние, созданные при японцах, высшие учебные заведения) подверглись реорганизации в соответствии с интересами американских оккупационных властей.

Школы	1925 г.	1941 г.
Технические	44	95
Технические продленного цикла	20	136

С началом второй мировой войны, когда стала острее ощущаться нехватка квалифицированных кадров, колониальные власти спешно отправили несколько тысяч корейцев на промышленные предприятия Японии и Северо-Восточного Китая, чтобы обучить их специальностям электромонтеров, сталеваров и механиков. Одновременно в Корее открылись различные краткосрочные технические курсы: машиностроительные, горные, электротехнические и др. Часть гуманитарных учебных заведений была закрыта, вместо них созданы средние технические.

Таким образом, условия военного времени заставили японских империалистов повышать квалификацию некоторой части корейского рабочего класса и допустить на производство в качестве среднего звена специалистов-корейцев. Но в целом сфера промышленного производства, особенно отрасли тяжелой промышленности, в колониальной Корее была монополией японских инженерно-технических кадров.

Репатриация японских инженеров и техников в 1945 г. привела к тому, что многие отрасли северокорейской промышленности остались без специалистов. Отсутствие сколько-нибудь значительного, сформированного отряда национальной технической интеллигенции, являясь одним из тяжелых последствий колониального прошлого, сильно осложняло экономическое строительство новой Кореи.

Кадры старой научной интеллигенции в Корее были немногочисленны; отдельные ученые, особенно прогрессивные деятели общественных наук, подвергались жестоким гонениям. Их творчество находилось под постоянным бдительным контролем японской цензуры и полиции. Любые попытки изучения корейской истории, корейского языка и литературы рассматривались японскими властями как преступление. Борцы за изучение и развитие национального языка погибали в японских тюрьмах. Так, например, в декабре 1921 г. в Сеуле было организовано «Общество по изучению корейского языка», которое в 1931 г. переименовали в «Научное общество корейского языка». Оно ставило своей целью разработку норм корейского общелитературного языка на основе сеульского диалекта, борьбу с проникновением диалектных особенно-

стей в общелитературный язык. Члены общества стремились унифицировать корейскую орфографию, занимались составлением корейского словаря. Но эта деятельность была признана японскими властями революционной, и в 1943 г. 28 членов общества были арестованы и приговорены к тюремному заключению [187, 1953, № 3, 115]. И это было не единичным случаем.

Так, в конце 20-х годов в японской тюрьме в Дайрене был казнен историк Син Чэ Хо — автор книги «Исследование по истории Кореи»; в 1930 г. был брошен в тюрьму известный корейский скульптор Ким Бок Чин (где и умер в 1934 г.); в 1944 г. погиб в японской тюрьме видный корейский ученый Ли Юн Чжэ. Многие деятели науки и искусства, заточенные в тюрьмы, погибли, не дождавшись освобождения родины.

Репрессии, аресты, тюремное заключение и физическое уничтожение были обычными средствами расправы японских властей над прогрессивной частью корейской интеллигенции.

Очень малочисленной была старая художественная интеллигенция. И это вполне понятно, если иметь в виду, что колониальные власти всячески ее преследовали. Демократические произведения национального искусства и литературы, являясь мощным средством идеологического воздействия на трудящихся, пробуждали в корейцах чувство патриотизма и вдохновляли на антияпонские выступления.

Удушение корейской национальной культуры, преследования деятелей корейского искусства и литературы имели прямую связь с содержанием всей колониальной политики японских империалистов. В подобной ситуации о профессиональном обучении артистов, о создании национальной творческой интеллигенции не могло быть и речи.

Биографии творческих работников тогдашней Кореи свидетельствуют, что подавляющее большинство из них не имело специального образования [4].

---

[4] Поэт Ли Сан Хва, например, окончил французское отделение школы иностранных языков в Токио, писатель Тё Мен Хи учился на философском факультете восточного института в Токио, поэт Ким Со Воль — в институте коммерции в Токио, писатель Цой Со Хя окончил начальную школу, а писатель Пак Пхар Ян — юридическую школу в Сеуле. Это в равной мере относится к большинству корейских музыкантов, художников и артистов [178, 277—337].

Основы художественного образования можно было получить только в частных школах, которые в основном были расположены в Сеуле. Там же находились и частные школы музыки и хореографии. В 1929 г. в Сеуле была организована школа-студия национального танца и балета.

Театры, кино и другие культурные учреждения японские империалисты пытались использовать как каналы для пропаганды колонизаторской идеологии. Искусство и литература в их руках служили целям воспитания корейского народа в духе рабской покорности японской нации и преклонения перед японской цивилизацией. Все театральные постановки осуществлялись на японском языке, театру навязывался репертуар из реакционных японских пьес, спектакли на национальные темы запрещались.

Прогрессивным деятелям науки и искусства при бесправии корейского народа, в условиях жестокой ассимиляторской политики колонизаторов, направленной на подавление корейской национальной культуры, чрезвычайно трудно было находить применение своему труду. Бедность, приводившая к материальной зависимости от капиталистов, крайне затрудняла работу творческой интеллигенции. На деятельности писателей, художников и артистов, выражавших интересы японских колонизаторов, это не отражалось. Но для прогрессивных деятелей национального искусства и литературы очень часто аренда помещений для театра, издание своих произведений и организация выставок становились практически недоступными.

Отсутствие материальных средств, лишения и бедность, цензурные рогатки и постоянные, непрекращающиеся полицейские репрессии делали положение прогрессивных работников искусства невыносимым. Некоторые из них, не желая сотрудничать со своими противниками, не имея работы и средств к существованию, вынуждены были крестьянствовать, наниматься чернорабочими на рудники и т. д.

Для корейских специалистов была установлена ограниченная сфера деятельности. Им доверяли лишь второстепенные участки работ, независимо от квалификации. Заработная плата корейских специалистов, как и всех корейцев вообще, была значительно ниже, чем японских

специалистов. Так, например, учитель-кореец, имевший высшее педагогическое образование и многолетний стаж работы, получал в два раз меньше, чем японский учитель со средним образованием, и почти столько же, сколько неграмотный швейцар-японец [157, 13].

Национальное угнетение, проявлявшееся в самых различных формах, постоянные полицейские преследования прогрессивных корейских интеллигентов, политические гонения все это способствовало активному участию корейской интеллигенции в антияпонской борьбе.

Участие интеллигенции в национально-освободительном движении

Участие корейской интеллигенции в национально-освободительном движении нельзя рассматривать в отрыве от экономических и политических позиций корейской буржуазии. Являясь межклассовой прослойкой, корейская интеллигенция своим происхождением в основном была связана с буржуазной и мелкобуржуазной средой; по условиям жизни и по своей психологии она была близка к мелкой буржуазии. Что же касается интересов ее привилегированного меньшинства, то они тесно переплетались с интересами власть имущих — помещиков и крупной буржуазии.

Крупным общенациональным движением, направленным против японских поработителей, где в той или иной мере проявили себя буржуазия и интеллигенция, было народное восстание 1919 г. Восстанию предшествовали выступления корейских студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях Токио. В феврале 1919 г., объединившись в нелегальное антияпонское общество «Молодежное общество независимости Кореи» («Чосон тоннип чхоннендан»), корейские учащиеся создали «Оперативный комитет» в составе 9 человек, который и поручил одному из своих членов, Ли Гван Су (впоследствии видный буржуазный писатель и активный реакционер), составить проект «Декларации независимости». В нем говорилось: «Используя старую политику, применяемую победителем к побежденному, Япония запретила нашему народу политические права: свободу слова, печати, вплоть до свободы вероисповедания, запретила свободу в области предпринимательства... Японские власти уста-

новили неслыханные различия в общественном и частном положении между японцами и корейцами. Они создали привилегии для японцев в области образования. Лишая нас возможности получить образование, они хотят этим закрепить нас в качестве своих вечных рабов. Искажая нашу историю, они хотят разрушить, уничтожить священные исторические традиции и авторитет нашей нации.

За исключением небольшого числа низших чиновников, все государственные посты, все или большинство руководящих должностей на транспорте, в связи и других областях заняты японцами. Это лишает нас на долгие годы возможности проявить свои способности и получить опыт государственного управления...

Начиная с правительственных органов и кончая частными учреждениями — всюду используются японцы, корейцы же остаются не у дел...

В торговле, в промышленности японцы пользуются особыми правами и привилегиями, а наша нация терпит ущерб» [154, 204—205].

Рассмотрение этих пунктов показывает, что в них отражены в основном интересы национальной буржуазии. Требования демократических свобод, свободы предпринимательства и торговли, равных прав с японцами в области промышленности, содержащиеся в этой декларации, носят буржуазно-демократический характер.

Находившееся в плену буржуазной ограниченности, искренне верившее в то, что мир перестраивается на основе принципов, демагогически провозглашенных тогдашним американским президентом Вудро Вильсоном, о том, что все государства имеют право на самоуправление, корейское студенчество требовало от Парижской мирной конференции изменения судьбы Кореи, требовало независимости страны.

«Наше государство требует, чтобы парламент и правительство Японии созвали Корейское национальное собрание, которому предоставлено было право решить судьбу своей страны.

Наше государство требует, чтобы мирная конференция предоставила нам право на самоопределение».

«Декларация независимости» корейских студентов была послана обеим палатам японского парламента и посольствам всех государств, представленных в Японии, для передачи их правительствам. Известие о революцион-

ных выступлениях корейских студентов в Токио и об опубликовании ими «Декларации независимости» подняло боевой антияпонский дух рабочих, крестьян, студентов и других слоев населения Кореи, где уже сложились внутренние условия для массового антияпонского выступления. Активизировали свою деятельность корейская буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция. Ввиду слабости рабочего класса и отсутствия его политической партии антияпонское демократическое движение народных масс развивалось вначале под руководством буржуазной интеллигенции. В первомартовских событиях приняло участие 2 млн. человек; 20% участников составляли учащиеся, студенты и другие слои корейской интеллигенции [154, 146].

Ряд требований буржуазной интеллигенции — политические свободы (свобода слова, печати, вероисповедания и т. д.), право на образование — выражали общедемократические, общенациональные интересы. В этих условиях буржуазная интеллигенция пыталась (в качестве представительницы национальной буржуазии) возглавить общенародное движение 1919 г. В основной своей массе она выступала как выразительница идеологии буржуазного национализма. Поведение буржуазной интеллигенции во время восстания и после него показало ее политическую слабость и идейную непоследовательность.

Корейская национальная интеллигенция не была единым, монолитным общественным слоем. Она состояла из отдельных групп, чьи позиции в разные периоды корейской истории сдвигались в зависимости от перемещения экономической ориентации отдельных группировок внутри буржуазного класса. Поэтому здесь следует рассмотреть в общих чертах те изменения, которые произошли в среде корейской буржуазии после 1919 г.

После поражения первомартовского движения в результате реформ и целого ряда других мероприятий, проведенных японским империализмом, буржуазный лагерь раскололся на отдельные группировки. По экономическому положению его можно было подразделить на три части: компрадорскую — выходцев из феодальных кругов и старой бюрократии, вступивших в 20-х годах на путь прямого сотрудничества с колонизаторами; многочисленную группировку корейской национальной буржуазии и

некоторую часть мелкой буржуазии; националистическую мелкую буржуазию [162, 116].

Каждая из этих группировок имела свои экономические и политические идеалы, свои представления о путях переустройства страны. По своим политическим платформам они принадлежали к различным лагерям.

Компрадорская буржуазия на рубеже 20—30-х годов выдвигала идею автономии, самоуправления корейцев в рамках японской империи. Ее идеологи проповедовали сотрудничество с японскими колонизаторами и призывали трудящихся к отказу от всех видов классовой борьбы.

Основой программы действия национальной буржуазии, ее умеренных слоев в этот период была идеология национал-реформизма [5]. Национал-реформисты рассчитывали на помощь и содействие иностранных держав в достижении независимости Кореи. После ряда неудачных попыток получить эту помощь идеологи национал-реформизма перенесли центр тяжести на «культивирование реальных сил». Под ним они подразумевали совершенствование материальной и духовной жизни корейского общества путем развития промышленности и распространения образования в «дозволенных законом рамках», т. е. ненасильственным путем. Эта тактика стала неотъемлемым атрибутом национал-реформизма 20—30-х годов.

Зачинателями национал-реформистского движения были буржуазные интеллигенты: крупный идеолог национальной, а впоследствии компрадорской буржуазии Ли Гван Су; директор газетного издательства «Чосон ильбо» Ан Чже Хон; основатель «Общества по изучению политики» Цой Рин и др. Они считали, что в сложившихся условиях важнейшим для достижения независимости Кореи является борьба за экономическую, а затем и политическую независимость страны. Необходимо прежде всего развивать национальную промышленность, обеспечить ее национальными кадрами, овладеть национальным рынком. Эта программа широко пропагандировалась со страниц официальных органов национал-реформистов:

---

[5] Среди ученых КНДР, а также СССР проводились дискуссии о классовой основе национал-реформизма. Некоторые из корейских историков, например Ким Хе Иль, считают, что ее составляла не национальная, а компрадорская буржуазия [197, 1966, № 4, 38—46].

журнала «Тонгван», газет «Чосон ильбо», «Тона ильбо», журнала «Сильсэнхваль».

Однако практические действия, рассчитанные на осуществление этой программы (бойкот японских товаров и т. д.), не дали желаемых результатов. Безрезультатно закончилась также попытка заняться подготовкой корейских специалистов. В 1922—1923 гг. в стране был создан Подготовительный комитет по созданию Народного университета. По расчетам его организаторов, в гуманитарном, медицинском и техническом колледжах должны были обучаться преимущественно корейцы. Но в 1926 г. японские власти открыли Сеульский императорский университет с юридическим, филологическим и медицинским колледжами; в нем обучались преимущественно японцы.

Симптомы экономического сотрудничества группировок национальной и компрадорской буржуазии появились еще в конце 20-х годов; оно бурно развивалось в 30-х годах и особенно усилилось в период второй мировой войны. В эти годы многие представители средней корейской буржуазии, руководствуясь интересами бизнеса, связали свою судьбу с японским империализмом и перешли в лагерь коллаборационистов.

Буржуазная интеллигенция, являвшаяся идейным рупором буржуазии, претерпела ту же самую эволюцию. Она отражала идейные колебания и противоречия, свойственные буржуазии в целом. В ее среде существовали различные слои, разделявшие идеологические воззрения определенных группировок буржуазии. В зависимости от перемещения этих группировок внутри буржуазного класса происходили идейные сдвиги и в среде буржузной интеллигенции. Так, например, в 30—40-х годах наблюдалось известное сближение политических и идеологических платформ интеллигентных представителей крупной и части средней буржуазии. Один из крупнейших корейских финансовых воротил, отпетый коллаборационист, Ким Сон Су, был в эти годы не только лидером буржуазии, но и кумиром буржуазных интеллигентов, группировавшихся вокруг газеты «Тона ильбо». В числе тех, кто публично превозносил его как национального героя, как образец и эталон человеческого совершенства, был и лидер национал-реформизма Ли Гван Су. В годы войны часть национальной интеллигенции вслед за националь-

ной буржуазией перешла на идейные позиции коллаборационистов; она становилась проводником колонизаторской идеологии.

В связи с этим, естественно, нельзя считать всю старую интеллигенцию демократически настроенной. Различные ее отряды в канун национального освобождения страны (1945 г.) занимали разные идейные позиции. По-видимому, революционность больше относится к интеллигенции в целом до первомартовского движения 1919 г., когда корейская буржуазия в лице своих образованных представителей пыталась, хотя трусливо и непоследовательно, возглавить национально-освободительное движение в стране. В этот период она выступала, пользуясь слабостью рабочего класса, отсутствием его партии, как поборница свободы и независимости всей нации, преследуя, однако, сугубо эгоистические классовые цели. Антиимпериалистическая направленность этого выступления, в котором участвовала и буржуазная интеллигенция, общеизвестна. Но в дальнейшем, начиная с 30-х годов, особенно в канун освобождения страны, происходило, как указывалось выше, известное сближение экономических и политических интересов компрадорской и национальной буржуазии, соответственно протекала консолидация сил буржуазной интеллигенции. Нужно, очевидно, дифференцированно подходить к анализу их позиции.

Накануне освобождения страны буржуазный национализм олицетворяли мелкая националистическая буржуазия и та часть национальной буржуазии, которая политически и экономически не сомкнулась с японским колониализмом.

В условиях колониального порабощения страны национализм имел свое историческое оправдание, ибо в нем, как «в *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения» [15, 275—276].

Националистическая буржуазия и мелкобуржуазные революционеры выдвигали из своей среды революционеров-националистов, террористов, анархистов и т. д. Выходцы из этой среды также пополняли ряды революционеров — носителей коммунистической идеологии. Первоначально это были главным образом революционно настроенные учащиеся и студенты; после первомартовских событий и под влиянием Великой Октябрьской социали-

стической революции в России они организовали марксистские кружки. Их мировоззрение не всегда было свободно от мелкобуржуазного национализма, от мелкобуржуазной ограниченности. Однако именно они представляли ту политическую силу — революционную интеллигенцию,— которая должна была в скором будущем вооружить нараставшее рабочее движение Кореи революционной теорией.

В своей книге «Что делать?» В. И. Ленин писал, что в период стихийного подъема рабочего движения «социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией» [5, 30].

Это говорит о том, что роль революционной интеллигенции — носителя коммунистической идеологии, передовой революционной теории в рабочем движении чрезвычайно высока.

Но в корейском коммунистическом движении 20-х годов преобладала мелкобуржуазная интеллигенция с грузом своих националистических ошибок и с национальной ограниченностью. Это не могло не отразиться на состоянии рабочего движения, хотя 20-е годы в истории Кореи отмечены бурным ростом политической активности рабочих и крестьян: созданы «Всекорейский союз молодежи» («Чосон чхонен чхонтонмэнъ»), «Всекорейский рабоче-крестьянский союз» («Чосон нонон чхонтонмэнъ»), «Женский молодежный союз» («Ечжа чхонен тонмэнъ») и др. Участились рабочие демонстрации и забастовки, но рабочее движение в целом было слабо. В массовых рабочих и крестьянских организациях довлело влияние национальной буржуазии и ее идеологии — национал-реформизма. Более того, ее влиянию были подвержены также и некоторые коммунистические организации. В частности, деятельность созданного в 1926 г. «Общества после-

дователей Маркса — Ленина» (Эм-Эльпха) замыкалась в основном кругом интеллигентов и на нее сильное влияние оказало национал-реформистское течение.

При слабости промышленного пролетариата революционным интеллигентам удавалось занять в коммунистических организациях руководящее положение. Засилье мелкобуржуазной революционности в коммунистическом движении приводило к его организационной неустойчивости, к идеологическим шатаниям. Партии рабочего класса, если она хотела быть действительно марксистской, необходимо было вести решительную борьбу с подобными тенденциями внутри коммунистического движения. В России, как известно, «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*...— писал В. И. Ленин,— которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы» [35, 14].

Но коммунистическое движение в колониальной Корее 20-х годов страдало преобладанием именно этой мелкобуржуазной революционности, носителем которой была мелкобуржуазная интеллигенция. Даже в коммунистической партии, созданной 17 апреля 1925 г., мелкобуржуазные интеллигенты составляли ядро. В 1931 г. секретарь Исполкома Коминтерна О. В. Куусинен писал: «Опыт корейского пролетариата, как у класса, сравнительно незначительный; участие пролетариата в коммунистическом движении очень невелико. В движении преобладающую роль еще играет революционная интеллигенция... рабочих в партии вообще очень мало. В фракционных группах приходится искать рабочих с биноклем в руках, и то их не найти» [62, 100, 110]. Конечно, наличие этой мелкобуржуазной революционности, ставшей источником фракционной борьбы внутри корейского коммунистического движения, явилось свидетельством его слабости. С мелкобуржуазной революционностью как с политическим течением в революционном движении, выражающим классовые интересы мелкой буржуазии, как известно, необходима последовательная борьба рабочего класса. Однако, несмотря на то что мелкобуржуазная интеллигенция является носителем мелкобуржуазной революционности, это понятия не тождественные. История мирового революционного движения дает немало

примеров, когда из этой среды выходили деятели пролетарской борьбы. Последняя в состоянии выдвинуть революционеров, твердо стоящих на марксистско-ленинских позициях, беззаветно преданных делу рабочего класса.

Революционное крыло корейской национальной интеллигенции, в среде которой было немало выходцев из мелкой буржуазии, несмотря на колебания и шатания некоторых его представителей сыграло положительную роль в вооружении корейских рабочих марксистско-ленинским мировоззрением.

Борьба революционной интеллигенции развивалась не только в сфере политики. Она находила свое отражение и в разных сферах духовной жизни общества, в частности в литературе и искусстве.

Борьба за утверждение пролетарских эстетических норм и идеалов в литературе и искусстве, которую вели лучшие представители корейской интеллигенции, также способствовала выработке пролетарской идеологии.

Наглядным примером может служить деятельность Корейской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), основанной 24 августа 1925 г. по инициативе и при активном участии писателей Сон Ёна, Ли Ги Ёна, скульптора Ким Бок Чина. Ее созданию предшествовала «Школа нового направления», организованная в 1923 г. на базе демократических организаций «Ёмгун» («Пламя») и «Пхаскюла»[6], ставивших своей целью борьбу за создание пролетарской культуры.

В деятельности «Школы нового направления» активное участие принимали писатели Цой Со Хэ, Тё Мен Хи, Ли Ги Ён и др. Эта организация выступала против соглашательских настроений Ким Дон Ина, Ли Гван Су, Ким Сун Сока и др. Возникновение «Школы» было начальной ступенью пролетарского литературного движения в Корее [115, 42]. Для деятельности КАПП в первые годы характерна нечеткость идеологических позиций, связанная с недостаточной вооруженностью писателей КАПП марксистско-ленинским мировоззрением.

В 1927 г. была проведена реорганизация КАПП и принята новая — марксистская — программа, основанная на ленинских принципах партийности пролетарской лите-

[6] Название группы составлено из первых букв фамилий ряда ее членов.

ратуры и искусства. «Мы твердо признаем историческую неизбежность марксизма в пролетарском движении,— говорилось в ней.— Выступая за пролетарское искусство, являющееся частью пролетарского движения, мы ставим задачи: дать полный отпор феодализму, буржуазному мировоззрению; сопротивляться деспотическому режиму; знаменем борьбы сделать борьбу за пролетарскую идеологию» [172, 13].

КАПП насчитывала свыше 200 членов, ее филиалы располагались в городах Пхеньяне, Вонсане, Кэсоне, Хэчжу и др. Издательство ассоциации имело свои филиалы в Маньчжурии, Пекине, Шанхае и Токио. Печатными органами КАПП были журналы «Мунхак чханъчжо» («Литературное творчество»), «Ёнгык ундонъ» («Движение за театр»), «Кунги» («Знамя»), «Чиптан» («Коллектив»).

Писатели КАПП вели острую, напряженную борьбу против реакционных буржуазных литераторов, выступавших под лозунгами: «Чистое искусство», «Независимое искусство», «Искусство для искусства», «Искусство — самостоятельное звено», против последователей натурализма (Ким Дон Ин, Рем Сан Соб) и писателей-анархистов, требовавших «свободы индивидуальности» и «независимости искусства» (Квон Гу Хен, Ким Хва Сен и др.). Буржуазные писатели Пак Ги Чжин, Пяк Чхоль, Ли Вон Чже и другие пытались насаждать натурализм и формализм [172, 14].

Следует заметить, что такие модные в тогдашней Европе литературные течения, как формализм и натурализм, стали проникать в Корею, по словам Ким Хэ Гюна (автора книги «Влияние западноевропейской и американской реакционной литературы на реакционную южнокорейскую литературу»), через японские переводные издания; они стали господствующими в корейской буржуазной литературе после первомартовского народного восстания [7].

[7] Впервые распространением и печатанием стихов, повестей и других произведений формалистического и натуралистического направления занимались журналы «Новости западной литературы» («Тхэсо муне синбо»), созданный в 1918 г. («Ким Ок Ын); «Творчество» («Чханъчжо»), основанный в 1919 г. (Ким Дон Ин, Тен Ен Тхян). После первомартовского восстания были созданы группы «Прилив» («Пякчо»), «Руины» («Пхехо») (Ким Ок Ын, Рем Сан Соб), с чьей деятельностью связано дальнейшее распространение и укрепление этих течений в корейской литературе [169, 3—4].

В 1926 г. в Токио было создано «Общество по изучению зарубежной литературы» («Хэве мунхак ёнгухве») со своим печатным органом «Зарубежная литература» («Хэве мунхак»). Оно, объединившись с буржуазными писателями из групп «Руины» («Пхехо»), «Прилив» («Пякчо»), выступало «против пролетарской литературы, предпринимая откровенно враждебные ей действия» [172, 5].

Но пестрота литературных течений и группировок буржуазных писателей была чисто внешней, существенных различий между ними не было, так как всех их объединяло одно — борьба против теоретических и идейных основ зарождающейся корейской пролетарской литературы.

Пролетарские писатели и деятели искусства — члены КАПП (Ли Ги Ён, Ли Ик Сан, Им Чже и др.) в своих критических статьях раскрывали лживость и реакционную сущность буржуазных теорий о надклассовости литературы и искусства.

Создание творческих обществ, пытавшихся придерживаться пролетарского направления, в 20—30-х годах происходило не без влияния движения прогрессивной японской интеллигенции за создание пролетарской культуры и искусства.

В 1928—1934 гг. в Японии проживало от 200 до 500 тыс. корейцев [96, 518]. Частое движение корейского населения из метрополии в колонию и обратно, большое число корейских студентов, обучавшихся в японских высших учебных заведениях, среди которых было немало революционно настроенных, способствовали проникновению в Корею передовых революционных идей.

Широко развернувшееся в Японии движение за пролетарскую культуру не могло не оказать своего плодотворного влияния и на передовых деятелей корейской культуры, тем более что многие из организаторов КАПП получили образование в учебных заведениях Японии.

В 1931 г. как в Японии, так и в Корее прокатилась волна арестов. В Японии было арестовано все руководство «Лиги японской пролетарской культуры» [100, 50], а в Корее — члены КАПП. Эта синхронность полицейских преследований в метрополии и колонии наблюдалась и в дальнейшем.

Сложные условия борьбы побудили руководство КАПП произвести реорганизацию. КАПП была преобра-

зована в несколько отдельных обществ: кино, театра, музыки и живописи. Координационным центром стал «Союз пролетарского искусства». Создание специализированных обществ активизировало деятельность каждого из них.

Деятели кино — члены КАПП — создали фильмы, ставившие острые социальные проблемы: они рассказывали о трагической судьбе крестьян («Скитания», «Темная дорога»), бедственном положении мелкобуржуазной интеллигенции («Улица в сумерках»), о тяжелой жизни рабочих. В 1930 г. пролетарские кинодеятели вместе с прогрессивными киноработниками создали фильмы «Подземный поселок», «Огненное колесо», «Три товарища», «Деревня за рекой», «Люди, борющиеся с океаном». Кинофильмы «Подземный поселок» и «Огненное колесо» впервые в Корее повествовали о жизни и борьбе корейских рабочих. Пролетарское киноискусство приобрело ярко выраженную социальную направленность, что было сразу замечено японской полицией и цензурой, запретившими демонстрацию фильма «Подземный поселок» [172, 19].

Театральная секция КАПП, созданная в 1925 г., организовала пролетарскую театральную труппу «Красный муравей», которая вскоре после основания была распущена японской полицией. Деятельность театральной секции усилилась после реорганизации КАПП в 1927 г.[8]. Она рассматривала театр как важное средство воспитания патриотических чувств и классового сознания трудящихся. Репертуар театральных групп содержал реалистические пьесы революционных писателей КАПП — Ли Ги Ёна, Сон Ёна, Ким Ён Пхара и др. [74, 394]. Вскоре, однако, эти театральные группы были распущены из-за жестоких репрессий японской полиции; артисты арестованы.

Несмотря на эти преследования, театральная секция КАПП продолжала свою деятельность. Весной 1932 г.

---

[8] Под влиянием КАПП организовывались в 30-е годы многие театральные группы: «Уличный театр» (1930) в Тэгу, «Синяя блуза» (1931) в Сеуле, «Театр масс» (1931) в Кэсоне, «Театральный цех» (1931) в Хэчжу, «Наш театр» (1931) в Сеуле, «Малый подвижный театр» (1931) в Сеуле, «Северо-Восточный театр» (1932) в Хамхыне, «Театр завтрашнего дня» (1932) в Пхеньяне.

непосредственно при КАПП была организована труппа «Новое строительство» [9].

Художники КАПП — Ким Бок Чин, Ли Сан Чжо, Тен Ха Бо, Кан Хо, Ли Сан Чун, Ким Ир Ён, Юн Сан Ир и другие — связывали свое творчество с борьбой рабочего класса и всего корейского народа за независимость страны. Наряду с национальной живописью «чосонхва», европейской масляной живописью и скульптурой они уделяли большое внимание графике как наиболее действенному орудию политической агитации, широко используя карикатуру, плакат, иллюстрации и гравюру.

Четкость и лаконизм формы и содержания плаката и карикатуры позволяли художникам оперативно откликаться на новые явления общественной жизни, оказывать активное воздействие на массы не только в выставочных залах и музеях, но и на улицах и в других общественных местах. Так, во время забастовки рабочих Пхеньянской резиновой фабрики художники КАПП выпускали боевые листовки и политические плакаты, воодушевлявшие рабочих, способствовавшие повышению их боевого духа и политической сознательности.

КАПП в 30-е годы была в авангарде борьбы прогрессивной художественной интеллигенции против реакционного буржуазного искусства. Ее революционная творческая деятельность сыграла немалую роль в создании пролетарской литературы и искусства, развитии их по пути социалистического реализма.

Летом 1934 г. полиция арестовала почти всех членов Корейской ассоциации пролетарских писателей, а в мае 1935 г. объявила о роспуске КАПП.

В 20—30-е годы японские власти усилили борьбу с революционным движением. В 1929 г. был принят закон «Об охране государственной безопасности», согласно которому запрещалась свобода слова, печати, собраний и организаций [143, 244]; в 1932 г. при генерал-губернатор-

[9] Труппа «Новое строительство» организовала в Пхеньяне «Театр праздника» и непосредственно руководила его работой. «Театр праздника» выступал перед рабочими, воодушевляя их на борьбу. Работало много других театральных трупп, среди которых выделялись труппы «Мегафон», «Театр 1 марта», «Деятель корейского искусства». «Новое строительство» не только занималось театральной деятельностью, но и под видом гастрольных поездок проводило работу по укреплению связи с местными организациями [115, 47].

стве был создан отдел по делам студенческих волнений, целью которого было «обследование идеологического состояния учащейся молодежи и предотвращение студенческих волнений» [195, 1932, № 3—4, 309]; в 1936 г. были созданы в Сеуле, Пхеньяне, Тэгу, Хамхыне, Чхончжине, Синыйчжу, Хванчжу и других городах «пункты по надзору и борьбе с идеологическими преступлениями». В марте 1941 г. японские власти издали закон «О предотвращении идеологических преступлений», а в мае 1941 г.— закон «О государственной безопасности», который распространялся на область дипломатических, финансовых и экономических отношений [143, 283].

Несмотря на жесточайшие репрессии, борьба корейского народа, и в частности национальной интеллигенции, против японского империализма продолжалась.

В 1929 г. вспыхнула всеобщая Вонсанская забастовка рабочих, руководимая коммунистами. Забастовка закончилась победой рабочих; она показала, что рабочий класс Кореи выходит на арену классовой борьбы как самостоятельная политическая сила.

В том же, 1929 г. разразились волнения студенческой и учащейся молодежи Кореи против фашистского режима японских империалистов, против колониальной системы просвещения. Движение учащихся г. Кванчжу было одним из крупных и упорных антияпонских выступлений, которое развернулось под руководством корейских коммунистов.

После подавления выступлений в Кванчжу многие из его участников бежали за границу, особенно в Северный Китай, где с оружием в руках сражались против японских захватчиков. Выступления учащихся, начавшиеся в ноябре 1929 г. в Кванчжу, вскоре перекинулись в другие города страны — Сеул, Пхеньян, Вонсан, Пусан и т. д. Особенно грандиозной была десятитысячная демонстрация учащихся Сеула в декабре 1929 г. В январе 1930 г. демонстрации проходили в Инчхоне (200 студентов коммерческой школы) и в Вонсане — (300 слушательниц женской школы). В Сеуле 18 января были закрыты все школы. Демонстрации учащихся, поддерживаемые рабочими, продолжались и в 1931 г. Учащиеся развернули борьбу под лозунгами: «Долой японский империализм!», «Отменить колониальную систему просвещения!».

В молодежных волнениях 1929—1931 гг. приняло уча-

стие свыше 54 тыс. учащихся [136, 32], более двухсот школ и колледжей Кореи [138, 114].

Жесточайшие репрессии и невыносимые условия борьбы заставляли лучшую часть революционной корейской интеллигенции эмигрировать в северные пограничные районы, чтобы оттуда вести вооруженную борьбу против японцев. Эта традиция антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы патриотического крыла корейской интеллигенции наложила отпечаток и на ее позднейшую судьбу, способствуя относительно безболезненному и быстрому переходу на сторону народно-демократического строя.

Нельзя, однако, забывать и того, что национализм корейской интеллигенции, который имел в 20—30-х годах антиимпериалистическую направленность, глубоко укоренился в ее сознании. Поэтому после освобождения страны и утверждения в ней народно-демократического строя стало остро необходимым широкое развертывание идеологической работы по интернациональному воспитанию корейской интеллигенции, так же как и других слоев корейского народа, ибо традиции антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы старой интеллигенции могли породить рецидивы буржуазного национализма, тормозящего общественно-экономическое развитие нового общества. Это потребовало от партии рабочего класса особо внимательного отношения к идеологической работе, к коммунистическому воспитанию старой интеллигенции, дифференцированного подхода к различным ее слоям.

Корейскую интеллигенцию накануне освобождения можно условно разделить на следующие основные группы.

Революционная интеллигенция, являвшаяся носительницей коммунистической идеологии и боровшаяся против японских империалистов с коммунистической позиции. В 30—40-х годах ее борьба сливается с вооруженной партизанской борьбой патриотов, развернувшейся в пограничных с Китаем районах. Это было революционное крыло национальной интеллигенции.

Националистическая интеллигенция, боровшаяся против японского империализма, за независимость Кореи, но в рамках буржуазного национализма. Это — наиболее разнородная, шарахавшаяся из стороны

в сторону часть национальной интеллигенции, чьи представители в разные периоды корейской истории оказывались на самых различных позициях: от капитулянтства в отдельные периоды до активного участия в массовом освободительном движении.

Промежуточное положение между националистической и революционной интеллигенцией занимала та часть интеллигенции, которая, несмотря на свое враждебное отношение к колониальным властям, работала на колониальный аппарат и весьма пассивно выражала свой протест (уходя, например, в деревню или рудники в знак протеста против мероприятий японских властей и т. д.).

Небольшая группа интеллигенции, преимущественно выходцы из компрадорской и соглашательской буржуазии, составляла агентуру японского империализма.

Наиболее интенсивно развернулся процесс дифференциации корейской интеллигенции (как и других социальных слоев) в период 30-х годов, когда к руководству решающим фронтом революционного движения Кореи — вооруженной борьбой — пришли коммунисты во главе с Ким Ир Сеном. Они разработали марксистско-ленинскую программу революции, предусматривавшую сплочение в едином фронте всех антиимпериалистических сил страны, и неутомимо боролись за проведение ее в жизнь. Этот курс коммунистов способствовал приобщению к лагерю освободительного движения широких слоев национальной интеллигенции.

ГЛАВА 2

ПРИОБЩЕНИЕ СТАРОЙ КОРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Победа народного строя и позиция корейской интеллигенции

После освобождения Северной Кореи Советской Армией все отрасли народного хозяйства, ранее обслуживавшиеся японскими кадрами, оказались без необходимых специалистов. Более того, японские колонизаторы, уходя из страны, варварски разрушали шахты, рудники, промышленные предприятия, мосты, железнодорожный транспорт и т. д.[1]. Чтобы снова пустить в ход этот огромный хозяйственный механизм, восстановить и развивать народное хозяйство, нужны были квалифицированные кадры.

В 1945 г. в Северной Корее насчитывалось очень немного старых буржуазных специалистов. Подавляющее их большинство составляли учителя, преподаватели высших учебных заведений и незначительное число технических специалистов. По материалам обследования, проведенного сразу после освобождения страны, в Северной Корее было всего 964 инженера и 4721 техник [211, 11.VIII.1960]. При этом осталось неизвестным, были ли все эти техники дипломированными; вполне возможно, что в это число входили также квалифицированные рабочие-практики.

---

[1] Накануне капитуляции Японии в Северной Корее насчитывалось 1034 крупных и средних промышленных предприятия. К моменту прихода советских войск все они бездействовали, кроме 19 гидроэлектростанций. Японские империалисты затопили 64 шахты и рудника [68, 35].

В прошлом Северная Корея по сравнению с южной частью страны располагала меньшим числом специалистов. Это положение сохранялось и после освобождения. Однако вскоре ряды специалистов пополнились многими передовыми, прогрессивными деятелями науки и искусства, перешедшими с юга. Последние вместе со всем народом, чья революционная творческая энергия бурно проявилась в создании народных комитетов, принимали активное участие в демократическом движении на юге. Так, например, театральные работники, собравшиеся в Сеуле из разных южных районов, организовали творческие союзы и театральные группы, надеясь развивать национальное искусство и тем содействовать революционным преобразованиям. Но их революционный энтузиазм встретил те же препятствия, что и в колониальный период: материальную нужду и притеснения, на этот раз со стороны американских империалистов и их марионеток.

В то же время они видели, как на севере под руководством ТПК бурно возрождалось национальное народное искусство, развивалась новая, социалистическая культура: создавались творческие союзы, научные комитеты, открывались высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты. Перед деятелями культуры Северной Кореи открывались новые горизонты, величественные перспективы развития науки и искусства.

Резкие контрасты и различия в положении творческой интеллигенции Северной и Южной Кореи наглядно показали деятелям культуры юга, что будущее корейской культуры — за народной властью, установленной на севере страны.

Уже в первые годы народной власти (1946—1948) на север перешли многие видные южнокорейские ученые и деятели культуры; много их (среди них выдающиеся ученые, общественные деятели, прославленные артисты) перешло на север также и в период Отечественной войны (1950—1953). На север из Южной Кореи в разные периоды перешло несколько сот специалистов и научных работников [74, 308]. В годы войны перешли на сторону трудового народа и воевали в рядах Народной армии против лисынмановской власти и ее американских покровителей сотни тысяч южнокорейских студентов, учащихся и специалистов (по данным, например, корейского историка Хо Ин Хека — около 400 тыс.) [176, 29]. Следует,

однако, заметить, что часть интеллигентов из числа сознательных приверженцев идеологии японского империализма и ярых националистов, находившихся к моменту освобождения на севере страны, перебежала на юг, оккупированный американскими войсками.

Так, дважды в истории послевоенной Кореи (после второй мировой войны и в 1950—1953 гг.) создалась объективная возможность территориального размежевания корейской интеллигенции по признаку классовой ориентации: с юга на север уходили прогрессивные деятели, с севера на юг — антинародные, контрреволюционные.

В эти годы происходило размежевание сил старой интеллигенции.

Есть все основания предположить, что на Севере после 1953 г. в среде старой интеллигенции преобладали революционная ее часть и представители националистической группы. Но это обстоятельство, конечно, не исключало наличия в республике контрреволюционных элементов из числа старых специалистов.

Что касается отношения буржуазной корейской интеллигенции в целом к народной власти, то оно несколько отличалось от поведения, например, русской буржуазной интеллигенции по отношению к Советской власти после Октябрьской социалистической революции.

Как известно, старая буржуазная интеллигенция России, с большим подъемом встретившая буржуазно-демократическую революцию, весьма недоверчиво и недружелюбно отнеслась к революции социалистической, совершенной русским пролетариатом в октябре 1917 г. Только передовые русские интеллигенты поняли ее величайшее значение и стали с первых дней Советской власти сотрудничать с ней. Большинство же из них не понимало великой очистительной силы революции, не верило в силу рабочего класса и было насквозь пропитано буржуазными идеями. Ярые контрреволюционеры либо приняли участие в заговорах против Советской власти, либо покинули страну; основная масса буржуазной интеллигенции, оставшись, первое время предпочла не иметь никакого дела с большевиками. Ее позиция изменилась лишь с изменением событий внутренней и международной жизни — поворот наметился с военной интервенцией англо-франко-американо-японских империалистов против Советской власти. Кровавые действия интервентов, развеявшие лож-

ные иллюзии старой русской интеллигенции о западноевропейской демократии, заставили изменить враждебное отношение на нейтральность, а со временем и на признание Советской власти. Вот с этой нейтрально настроенной интеллигенцией и начала устанавливать Советская власть «деловые соглашения, отказавшись от применения к ней насилия» [153, 50].

В условиях капиталистического окружения и изоляции Советской России использование старых специалистов было крайней необходимостью. Эта проблема отражена во многих выступлениях В. И. Ленина и в партийных документах. В своем выступлении на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, немедленно и сейчас же поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя. Это надо раз навсегда сказать» [25, 166].

Буржуазной интеллигенции Кореи приходилось строить свои взаимоотношения с народно-демократической властью в совсем иной период, при иных условиях, когда в результате величайших побед Советского Союза во второй мировой войне коренным образом изменилось соотношение сил на мировой арене в пользу социализма. Это обстоятельство сыграло решающую роль в определении старой буржуазной интеллигенцией народно-демократических стран своей позиции. Буржуазная интеллигенция нового времени была морально завоевана пролетариатом и внутренне подготовлена к принятию новой власти, к сотрудничеству с ней. Это условие — общее для большинства старой интеллигенции стран, вступающих в современных условиях на путь социализма.

Но наряду с этим интеллигенции каждой страны свойственны специфические черты, обусловленные своеобразием ее исторического и национального развития. У корейской интеллигенции они связаны с колониальными условиями ее формирования, с политикой национальной дискриминации, проводившейся японскими империалистами[2]. Ущемление и унижение чувства национального достоинства, наиболее болезненно воспринимаемое ин-

[2] В памяти нынешнего поколения корейцев, и интеллигенции в том числе, все еще свежи воспоминания об этом периоде; молодежи об этом рассказывают произведения корейских историков, литераторов, художников.

теллигенцией угнетенной нации, порождали в большей ее части ненависть к иностранным поработителям и жажду национального освобождения, революционизировали ее. В этом смысле старая интеллигенция Северной Кореи отличалась от буржуазной интеллигенции ряда западных стран народной демократии (например, ГДР).

Вообще следует отметить, что старая интеллигенция Северной Кореи и западных стран народной демократии представляет общественный продукт различных эпох капитализма. В. И. Ленин писал о необходимости «строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе *все* классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии,— эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее „тяжелого на подъем" слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением» [15, 264].

Буржуазная интеллигенция Северной Кореи представляет собой общественный продукт эпохи краха феодализма и сложения буржуазно-демократического общества, о котором писал В. И. Ленин, а старая интеллигенция развитых стран, как, например, ГДР, явилась порождением более развитой, высокой стадии развития капитализма — империалистической. В силу этого буржуазной интеллигенции Северной Кореи и европейских стран народной демократии свойственны определенные разли-

чия. Так, например, старой буржуазной интеллигенции ГДР неведомо такое чувство, как национальное унижение, какое приходилось испытать старой корейской интеллигенции. Более того, буржуазная интеллигенция ГДР имела в прошлом длительную традицию самостоятельного развития и сама представляла господствующую прослойку в высокоразвитом капиталистическом государстве, угнетавшем другие страны. Ей, как и крупной и централизованной немецкой буржуазии в целом, более характерен не узкобуржуазный национализм эпохи буржуазно-демократических национальных движений, а интересы «интернационально слитого капитала» или «антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением».

Различные условия развития оказали свое влияние и на социальную психологию интеллигенции этих стран. После освобождения Германии от фашизма ее старая интеллигенция (в ГДР), привыкшая в прошлом к своему господствующему положению, долго не могла отрешиться от этих традиций, относилась с большим сомнением и недоверием к рабочей власти, занимая по отношению к ней выжидательную, а порой даже и враждебную позицию. Враждебность усиливалась еще более оттого, что страна была расчленена, как и Корея, на две части, одна из которых — Западная Германия, ведя по отношению к ГДР враждебную агитацию, поддерживала эту позицию буржуазной интеллигенции [163, 9—3].

Традиция двадцатилетнего буржуазного развития довоенной Польши (1918—1939) — положение колонизатора по отношению к населению Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав Польского государства (которое «находило одобрение среди средних слоев, особенно среди тогдашней интеллигенции» [48, 16.VII.1968]) — и позиция реакционных кругов Польши, характеризовавшаяся, как ни в одной другой стране, «исключительной враждебностью к социализму, а особенно к Советскому Союзу» [48, 16.VII.1968] (в течение не только этого двадцатилетия, но и всего последнего полувека — в период буржуазной Польши, немецкой оккупации и после освобождения), создавали серьезные затруднения в привлечении старой интеллигенции к социализму. По этому поводу В. Гомулка писал: «Много времени прошло после освобождения, прежде чем мы смогли приоб-

щить к строительству новой Польши часть людей, находившихся прежде под влиянием реакции, а часть — нейтрализовать. Не подлежит также сомнению, что часть сторонников лондонского лагеря[3], по существу по сей день осталась на прежних позициях» [48, 16.VII.1968].

Привлечение и перевоспитание старой буржуазной интеллигенции в таких, например, странах, как ГДР и ПНР, представляло собой более медленный и противоречивый, более трудный и сложный процесс, чем в бывших колониальных странах, как, например, Северная Корея. Корейская буржуазия никогда не допускалась к рулю государственного правления как самостоятельная общественная сила и не имела традиций, возникающих в условиях независимого государственного существования, следовательно, не имела и широких возможностей для подготовки своей интеллигенции, столь необходимой при развитии капиталистических производственных отношений. Малочисленность старых корейских специалистов, особенно технических, невысокий уровень их профессиональной квалификации — это тоже особенность, свойственная Северной Корее, как бывшей колонии.

Развитые страны (например, ГДР) располагали большим отрядом высококвалифицированной буржуазной интеллигенции, национальными научными центрами, своими академиями наук с богатейшими научными традициями. Использование научного и технического наследства старого общества облегчило процесс социалистического строительства в этих странах.

В целом проблема перевоспитания и использования старых кадров была и остается одной из важнейших задач всех стран, строящих социализм.

Зарождение и развитие народно-демократического строя в Северной Корее, как и в других странах социалистического лагеря, происходило при наличии могучей социалистической державы — Советского Союза, при его непосредственной помощи и поддержке. Эта помощь была очень разносторонней и многообразной. Среди прочих ее форм необходимо отметить помощь в пополнении кадров специалистов. После освобождения страны Советской Армией народные комитеты Северной Кореи обрати-

[3] Лагерь польской эмиграции с центром в Лондоне в период гитлеровской оккупации страны.

лись к советскому командованию с просьбой о помощи специалистами. Так, в один из последних дней августа 1945 г. в беседе с членом Военного Совета Советской Армии, генерал-майором Н. Г. Лебедевым представители Народного комитета провинции Южная Пхёнан просили советское командование оказать им содействие присылкой специалистов [68, 939].

В восстановлении разрушенной экономики страны техническое содействие в первую очередь оказывали специалисты гражданских профессий из рядов Советской Армии: инженеры-химики, связисты, строители, транспортники, врачи и др. Они сыграли большую роль в «оживлении» разрушенных заводов, фабрик, в развитии производительных сил страны в целом.

Это был период, когда на территории Северной Кореи повсеместно создавались народные комитеты, но все еще отсутствовал центральный орган народной власти.

В октябре 1945 г. состоялось совещание представителей народных комитетов Северной Кореи. Среди многих вопросов народнохозяйственного и культурного строительства, обсуждавшихся на совещании, были рассмотрены также вопросы об учете рабочих кадров, прежде всего инженерно-технического персонала, о создании средних специальных и высших учебных заведений, о возможностях подготовки квалифицированных рабочих.

Корейские коммунисты возглавили важные участки государственного аппарата. В процессе установления народной власти в Северной Корее главную революционную силу представляли рабочие, крестьяне и передовая часть старой интеллигенции. В народные комитеты в первую очередь были привлечены революционеры, бывшие партизаны, а также лучшие представители прогрессивной части старой интеллигенции, которые с первых дней освобождения Северной Кореи твердо пошли по демократическому пути [68, 126—127].

После совещания в сентябре — октябре 1945 г. были созданы административные органы власти — департаменты, которые должны были осуществлять руководство всеми отраслями народного хозяйства и культуры. Одной из главных их целей была подготовка национальных кадров, способных руководить промышленностью, транспортом, финансами, просвещением и т. д. Подбор кадров в

департаменты производился с помощью ЦК Коммунистической партии Северной Кореи[4] и народных комитетов провинций (с февраля 1946 г. департаменты стали рабочими органами Временного народного комитета) [68, 40].

В 1945—1946 гг. были созданы специальные курсы по подготовке новых и переподготовке старых кадров. Особенно большую роль сыграла Центральная школа Временного народного комитета Северной Кореи, организованная весной 1946 г. [68, 126—127].

Происходившее в октябре 1945 г. совещание представителей народных комитетов Северной Кореи, учитывая малочисленность национальных технических кадров, «высказало свое пожелание о том, чтобы в Корею были командированы из Советского Союза специалисты-консультанты» [68, 46].

Советские специалисты оказывали техническое содействие в восстановлении промышленных предприятий (сталелитейных агрегатов коксовых печей металлургического завода в Хванхэ, сталелитейных заводов в Сончжине и Кансене, завода химических удобрений в Хыннаме), реконструкции цинкового цеха завода цветных металлов в Нампхо, угольной шахты в Аоди и т. д.

Большие трудности испытывал корейский народ при восстановлении железнодорожного транспорта. Отступая, японские империалисты варварски разрушили весь подвижной состав, мосты, тоннели и вокзалы, сожгли всю техническую документацию. Отсутствие квалифицированных кадров и слабая подготовка железнодорожных служащих-корейцев не позволяли широко развернуть восстановительные работы собственными силами. С первых дней освобождения восстановление железнодорожного транспорта, мостов, тоннелей, ремонт всей телефонной связи и сигнализации, обеспечивающих безопасность движения поездов, происходили при непосредственной помощи железнодорожных частей Советской Армии. Благодаря этому уже в августе 1945 г. начались перевозки на ряде железных дорог (например, на Хамгенской ж. д.). Начатые по инициативе советских железнодорожников работы по восстановлению Ченчжинского паровозо-ваго-

[4] После роспуска в 1925 г. Коммунистическая партия Северной Кореи была создана в августе — сентябре 1945 г.

норемонтного завода были закончены в начале 1946 г., а летом этого же года завод вступил в строй. Так было и в других местах, пока на севере Кореи находилась Советская Армия.

Привлечение старых национальных кадров к социалистическому преобразованию общества

Использование старых кадров интеллигенции было связано с идеологическим ее перевоспитанием. Оно проводилось Трудовой партией Кореи путем привлечения интеллигенции к восстановлению и развитию народного хозяйства, к строительству социалистической экономики и культуры.

Революционная часть интеллигенции, которая непосредственно участвовала в антияпонской борьбе, явилась активной силой в осуществлении народнохозяйственного и культурного строительства.

По отношению к реакционной, прояпонской интеллигенции, составлявшей сознательную агентуру японского империализма, партия проводила политику подавления и строгого наказания.

Следует отметить, что присутствие с 1945 по 1948 г. (включительно) на корейской территории Советской Армии и Советской военной администрации парализовало внутренние контрреволюционные силы и сыграло решающую роль в пресечении их активной враждебной деятельности. Наглядным примером тому может служить саботаж пробравшегося к руководству Демократической партии Чо Ман Сика и его сторонников по срыву решений Московского соглашения, закончившийся осуждением и исключением этой группировки из партии в феврале 1946 г. [68, 42]. С другой стороны, враждебная часть корейской буржуазной интеллигенции в силу своей малочисленности и слабости не могла оказать народной власти сильное, организованное сопротивление. Она ранее не была организована в научные учреждения или крупные учебные заведения: в Северной Корее не было ни Академии наук, ни научно-исследовательских, ни учебных институтов. Иными словами, старая корейская интеллигенция не имела своих организаций, которые облегчили бы ей сопротивление мероприятиям народной

власти. Поэтому враждебные элементы пытались проникнуть в новые учебные заведения и вести оттуда, изнутри, свою враждебную агитацию.

В условиях завершения демократических преобразований и установления народно-демократического строя, т. е. ликвидации социальной базы контрреволюции, враждебные силы могли выступать только при поддержке реакционных кругов Южной Кореи в качестве их агентуры. Агентами на север засылались люди дефицитных профессий, например врачи.

Однако в связи с перечисленными выше условиями (изменение соотношения мировых сил в пользу социализма, наличие советских войск на территории Кореи, революционная настроенность большей части корейской интеллигенции как интеллигенции колониальной страны, ее малочисленность и слабость) масштабы контрреволюционной борьбы старой интеллигенции Северной Кореи были незначительными и несравнимы с аналогичными явлениями в России после Октября 1917 г. или в европейских странах народной демократии.

К строительству нового общества в Северной Корее привлекалась и националистически настроенная часть старой интеллигенции, которая после освобождения страны активно включалась в борьбу за создание народных комитетов, за проведение демократических преобразований. При использовании этой части интеллигенции большое внимание уделялось тому, какой характер носила ее деятельность в период японского владычества. Однако органы народной власти не абсолютизировали это положение и больше считались с тем, носителем каких идей она является в данный момент.

Наглядным подтверждением может служить разработанный в декабре 1945 г. работниками департамента юстиции Северной Кореи проект «Положения об организации и работе департамента юстиции и судебных и прокурорских органов в Северной Корее», утвержденный в марте 1946 г. в качестве закона Временным народным комитетом Северной Кореи. Он основывался, в частности, на таких принципах: «В органы юстиции Северной Кореи не допускаются изменники и враги корейского народа, те из корейцев, которые при японцах служили судьями и прокурорами, а также лица, известные своей прояпонской деятельностью. Однако в том случае если

лица, ранее служившие при японцах судьями или прокурорами, после 15 августа 1945 г. активно боролись за новые, демократические принципы и оказывали содействие народным комитетам, то по рекомендации общественных организаций и с согласия Временного народного комитета они могут быть допущены к работе в органах юстиции» (разрядка наша. — *С. Н.*) [68, 128].

Трудовые успехи, активное участие в общественной жизни и характер практической деятельности старых специалистов были определяющими принципами при проверке их революционной убежденности. Привлекая национальную интеллигенцию к социалистическому строительству, партия доверяла ей выполнение важных задач восстановления разрушенного японскими империалистами народного хозяйства, задач социалистического строительства. Старых специалистов выдвигали на руководящую работу в промышленности: директорами, главными инженерами промышленных предприятий. Промышленные предприятия страны крайне нуждались в квалифицированных специалистах, а республика ими не располагала. Поэтому в исключительных случаях ввиду недостатка квалифицированных корейских кадров временно использовались в промышленности и на отдельных участках железнодорожного транспорта старые японские инженерно-технические кадры [68, 126].

Одним из крупнейших отрядов корейской интеллигенции, подлежавших перевоспитанию и привлечению к народно-демократическому строительству, было старое учительство. Задачи создания новой, демократической системы образования и просвещения всего трудового народа могли быть успешно решены лишь при условии использования старых учительских кадров. При их привлечении была проявлена особая осторожность ввиду того, что старая корейская школа была орудием насаждения японской колонизаторской идеологии, а преподаватели (впрочем, в частных корейских школах в меньшей степени) — вольными или невольными проводниками этой идеологии. Вновь создаваемые школы нуждались в квалифицированных педагогических кадрах, обладающих известными организационными навыками. Привлечение старых учительских кадров сопровождалось индивидуальным отбором каждого школьного работника, учитывались его политиче-

ские убеждения и деловые качества. Для переподготовки учителей организовывались краткосрочные курсы — трехмесячные и шестимесячные. К сентябрю 1946 г. общее число вновь подготовленных и прошедших переподготовку учителей превысило 10 тыс.

Трудовая партия Кореи очень много внимания уделяла перевоспитанию и использованию творческой интеллигенции старой закалки. В феврале 1946 г. была создана Ассоциация работников литературы и искусства, объединившая в своем составе более 9 тыс. членов. Программной целью ассоциации была ликвидация японского влияния в области литературы и искусства, развитие их на демократических основах.

Прежние преследования, запрет пропаганды марксистской идеологии наложили свой отпечаток на сознание корейской интеллигенции. Ким Ир Сен писал: «Распространение „марксистских книг", содержание которых японские империалисты умышленно искажали, оказывало вредное идеологическое влияние на интеллигенцию нашей страны. Яд подобной реакционной пропаганды японских империалистов по сей день из сознания народа нашей страны не полностью вытравлен, все еще окончательно не освободились из-под влияния даже некоторые отсталые члены партии» [52, 15].

Партия вела борьбу против пережитков буржуазной идеологии в сознании старой интеллигенции. В декабре 1946 г. Президиум ЦК партии принял постановление «О борьбе за преобразование идеологии и сознания», где ставилась задача искоренения вредных идей и обычаев, оставшихся у корейской нации как результат господства японского империализма. Постановление сыграло большую роль в утверждении социалистической идеологии.

Партия вела борьбу против буржуазной идеологии в области литературы и искусства. На борьбу с ней были направлены решения Президиума ЦК ТП Северной Кореи[5] от 8 мая 1947 г. «О строительстве национально-демократической культуры в Северной Корее». В постановле-

[5] Трудовая партия Северной Кореи образована в августе 1946 г. в результате объединения Коммунистической партии и Новой народной партии (основана в феврале 1946 г.). В ноябре 1946 г. образована Трудовая партия Южной Кореи.

В 1949 г. обе партии объединились в единую Трудовую партию Кореи. Председателем ЦК партии был избран Ким Ир Сен.

нии ЦК ТП Северной Кореи подвергались критике произведения литературы и искусства, проповедовавшие безыдейность и аполитичность. В нем говорилось, что безыдейность и аполитичность, присущие ряду произведений литературы и искусства, например сборнику стихов «Унхян», хрестоматии «Мундян токбон» и другим изданиям, свидетельствуют, что на культурном фронте страны продолжают действовать проповедники «искусства для искусства».

ЦК ТП Северной Кореи призвал всех трудящихся проявить высокую бдительность по отношению к проповедникам старой идеологии, вырывать с корнями остатки рабской идеологии, пропагандировавшейся японским империализмом и укоренившейся в быту корейского народа. Партия проводила работу по идеологическому воспитанию трудящихся на основе марксистско-ленинского принципа пролетарского интернационализма.

Перевоспитание старых деятелей культуры происходило в условиях демократического, а затем и социалистического строительства в Корее. На их творческой деятельности отрицательно сказывалась оторванность от созидательного труда и реальной жизни народа. ТПК отправляла их на заводы, фабрики, в сельскохозяйственные кооперативы и рыбацкие поселки, чтобы ознакомить писателей и работников искусства с новой жизнью народа, с грандиозными событиями, развертывающимися в стране. Такие мероприятия ТПК проводила по отношению к старой творческой интеллигенции как в период мирного строительства, так и в военное и послевоенное время. Они помогали работникам культуры более глубоко изучать жизнь страны.

Но творческие командировки, конечно, не обеспечивали полного понимания старой интеллигенцией всей сущности происходящих в стране изменений, сущности быстро развивающихся вокруг них событий со всей их сложностью и противоречиями.

Необходимо было вооружить старых специалистов марксистско-ленинским мировоззрением. Творческое изучение марксистско-ленинского учения применительно к условиям Кореи явилось центральным вопросом в идеологическом перевоспитании старой интеллигенции. И здесь неоценимую помощь, особенно в первые годы народно-демократической власти, оказали советские уче-

ные: историки, философы и экономисты. Видные советские ученые вели занятия и читали лекции по марксизму-ленинизму педагогам средних школ, преподавателям впервые открывшихся в Корее высших учебных заведений, работникам государственного аппарата и т. д. Организовывались специальные политические школы и курсы по изучению марксистско-ленинской теории. В августе 1946 г. была создана Центральная партийная школа при ЦК Трудовой партии Северной Кореи.

Трудовая партия Кореи активно проводила свою идеологическую работу, придерживаясь принципов пролетарского интернационализма.

В годы Отечественной освободительной войны 1950—1953 гг. объективные условия борьбы, направленной против иностранных агрессоров, требовали укрепления монолитности и единства всего народа, а это в свою очередь вело к подъему патриотических чувств народа. Проводилась большая работа по выявлению национальных героев исторического прошлого, преданных забвению в годы колониализма, восстановлению традиций национальной культуры, создавались учреждения, пропагандирующие эти традиции [6].

Все это способствовало укреплению чувства гордости своей многовековой культурой, укреплению чувства патриотизма. Но, с другой стороны, приходилось действовать осторожно, осмотрительно, так как эти обстоятельства могли содействовать живучести элементов национализма, которые были характерны для большей части старой интеллигенции.

Национализм являлся идейным знаменем буржуазии и ее интеллигенции в борьбе против японских поработителей. Колониальное прошлое корейской интеллигенции развивало в ней не только революционность и антиимпериалистический дух, но порождало и национализм угнетенной нации. С установлением социалистического строя «проявления национализма и национальной ограниченности не исчезают автоматически» [80, 24]. Они продолжают жить, маскируясь и приспосабливаясь к новым условиям, приобретая подчас новые формы.

---

[6] В самый разгар Отечественной войны, в октябре 1952 г., в Пхеньяне был основан Государственный театр классического национального искусства, на сцене которого была возобновлена постановка национальной оперы — «чангык».

Национализм, содержавший в период освободительной борьбы антиимпериалистический заряд, таит большую опасность в условиях социалистического строительства.

Ввиду этого обстоятельства партии рабочего класса призваны уделять особое внимание коммунистическому воспитанию интеллигенции. В проведении этой работы важное значение имеет дифференцированный подход к различным (по степени приверженности к национализму) группам старой интеллигенции. Под особым контролем рабочей власти, как учит опыт, должна находиться националистически настроенная часть старой интеллигенции. В. И. Ленин считал, что старых специалистов необходимо «поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы... При всем этом — ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно» [24, 6—7].

Идеологическая неустойчивость и постоянные политические колебания старой интеллигенции между пролетариатом и буржуазией могут проявляться длительное время. В. И. Ленин считал эти колебания неизбежными в первый период существования рабочей власти, ибо невозможно требовать, чтобы сразу же после взятия рабочим классом политической власти различные слои и классы общества усвоили марксистско-ленинское мировоззрение. В статье «Ценные признания Питирима Сорокина», где дается анализ причин поворота к Советской власти мелкобуржуазной демократии и мелкобуржуазной интеллигенции, В. И. Ленин писал: «Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны», «достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилится паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измен и перелетов на сторону империалистов и так далее, и тому подобное» [23, 197].

В зависимости от условий, от приливов и отливов в революционном преобразовании общества пролетариатом, при малейшем успехе контрреволюции часть старой интеллигенции может переходить на ее сторону, а потом, при изменении обстановки, вновь возвращаться на сто-

рону народной власти. Об этом говорит опыт привлечения буржуазных специалистов в Советском Союзе, политическое поведение определенной части старых корейских специалистов в Отечественную войну 1950—1953 гг., это также подтверждают мартовские события 1968 г. в ПНР [47, 48] и особенно послеянварские (1968 г.) события в ЧССР, где значительная часть старой интеллигенции (главным образом гуманитарная — писатели, журналисты, теле- и радиокомментаторы, часть профессорско-преподавательского состава и др.) при поддержке западногерманских реваншистов, мирового империализма выступала как инициатор контрреволюционных действий против руководящей роли рабочего класса и его авангарда— коммунистической партии.

В современный период, когда соотношение сил в мире исключает классическую вооруженную контрреволюцию, антиимпериалистические стратеги делают упор на идеологическую диверсию, направленную на подрыв социалистического лагеря. Борьба против социалистического мировоззрения стала одной из важных функций государственно-монополистического капитала и его политики. В связи с этим неимоверно возросло значение идеологического фронта в борьбе между социализмом и капитализмом. Нечего и говорить, что идеологический фронт самым неразрывным образом связан с позицией интеллигенции, что партия в идеологической деятельности опирается на интеллигенцию. Отсюда особое значение приобретает борьба рабочих партий социалистических стран, в каждой из которых достаточно велик процент интеллигенции, за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, против всяких наслоений национализма. Только при этом условии интеллигенция может играть активную роль в социалистическом строительстве.

В борьбе против социалистической идеологии мировой империализм делает главную ставку на буржуазный национализм, на антикоммунизм. В речи на Всесоюзном съезде учителей 4 июня 1968 г. Л. И. Брежнев говорил: «Идеологи буржуазии явно и тайно стараются экспортировать в мир социализма антикоммунизм, национализм, индивидуализм. Они хотели бы ослабить социально-политическое и идейное единство народов социалистических стран, вбить между ними клинья, посеять недоверие» [45].

Империалистическая стратегия учитывает, что распространение национализма в социалистических странах и в их коммунистических партиях служит целям ослабления интернациональных связей с партиями других социалистических стран и предусматривает такое их развитие, при котором социалистический строй подвергся бы деформации в буржуазном направлении. Культивируя националистическое сознание старой интеллигенции, всемерно превознося «особую», «исключительную» роль интеллигенции и декларативно возвышая ее над народом, мировой империализм пытается посеять рознь между рабочим классом и интеллигенцией, оторвать ее от рабочих, от созидательного труда в пользу социализма. Все это свидетельствует о настоятельной необходимости всемерного усиления на современном этапе политической и идейно-воспитательной работы среди интеллигенции и трудящихся в духе пролетарского интернационализма.

ТПК придает важное значение коммунистическому воспитанию трудящихся, в том числе и интеллигенции. Особая важность этой работы для КНДР определяется еще и ее специфическим положением — расчлененностью страны, когда республика, находясь лицом к лицу с американским империализмом, должна быть начеку против всякого рода происков, в том числе и против идеологических диверсий. В речи на торжественном заседании в честь 20-летия создания КНДР Генеральный секретарь ЦК ТПК, Председатель Кабинета министров КНДР Ким Ир Сен говорил: «Социалистическое государство должно энергично развертывать идеологическую революцию и тем самым до конца искоренить пережитки старой идеологии, остающиеся у трудящихся, и полностью предотвратить проникновение извне яда буржуазной идеологии» [58].

В интернациональном воспитании интеллигенции и народа в целом, важнейшее значение имеют дружба и сотрудничество корейского народа с народами Советского Союза и других социалистических стран. Развитие и углубление социалистического интернационального сознания у трудящихся находится в тесной связи с осуществлением сотрудничества с социалистическими странами. Поэтому социалистические страны, придерживаясь классовых позиций, неуклонно укрепляют единство и сплоченность стран социализма. Тов. Ким Ир Сен

в своем докладе на юбилейном торжественном заседании говорил: «Если кто-либо под предлогом отстаивания самостоятельности, изменив марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, пойдет по пути национал-эгоизма, то это будет большая ошибка... Исходя из национальных и интернациональных задач нашей революции, мы будем и впредь прилагать все усилия для укрепления дружбы и сплоченности с социалистическими странами на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, принципов полного равноправия и самостоятельности» [58].

ГЛАВА 3

СОЗДАНИЕ НОВЫХ КАДРОВ НАРОДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Как известно, перевоспитание и использование старых специалистов является только частью проблемы создания народной интеллигенции. И в КНДР этот процесс играл подчиненную роль, тем более что в силу малочисленности, слабости и невысокого уровня профессиональной квалификации старых национальных кадров их использование в КНДР было еще более ограниченным и незначительным, чем в западных странах народной демократии. Главной проблемой была подготовка новой, народной интеллигенции из представителей рабочих, крестьян и трудового народа.

На характер подготовки новой интеллигенции, на изменение ее внутренней профессионально-квалификационной структуры оказывает свое влияние научно-техническая революция и на этой основе ускоряется темп экономического развития ряда стран, и социалистических в особенности.

Социалистический строй порождает постоянную потребность во все возрастающем числе квалифицированных специалистов. Роль людей интеллектуального труда в экономическом развитии общества неизмеримо возросла. Подготовка специалистов высокой квалификации, отвечающих современному уровню научных и технических знаний, стала национальной задачей во всем современном мире. Ныне численность и качество подготовки специалистов стали своеобразным мерилом, критерием определения степени экономической развитости того или иного общества .В речи на Всесоюзном съезде учителей 4 июля 1968 г. Л. И. Брежнев говорил: «Уже сегодня об экономическом потенциале, о перспективах развития хозяйства судят не только по запасам полезных ископаемых, энергоресурсам и другим привычным меркам. Не преуменьшая их роли, с полным основанием можно

сказать, что все большее значение приобретают такие показатели, как количество и, конечно, уровень подготовки, квалификация рабочих, инженеров, ученых» [45]. От степени подготовки интеллигенции зависит также и решение одной из закономерностей развития социалистического общества — преодоление различий между физическим и умственным трудом. Только путем всемерного роста кадров интеллигенции, путем повышения культурно-технического уровня трудящихся можно решить эту задачу.

Все в больших объемах понадобятся социалистическому обществу умственный труд, различные отряды интеллигенции для осуществления конечной цели — построения коммунизма.

Подготовка национальных кадров после освобождения

Временный народный комитет Северной Кореи с момента своего возникновения проводил большую работу по подготовке специалистов, необходимых народному хозяйству. В тот бурный период демократического развития страны, когда все отрасли народного хозяйства испытывали острую нужду в специалистах, была необходима оптимальная форма их подготовки. Такой формой, более всего соответствовавшей реальным потребностям времени, были краткосрочные школы и курсы, основанные в 1946 г.

Школы и курсы (центральные — в столице, их филиалы — в провинциях) готовили работников для самых различных отраслей народного хозяйства и культуры: промышленности, сельского хозяйства, финансовой системы, торговли, связи, административного управления, юстиции, просвещения и т. д. В Хамхыне, Чхончжине, Синыйчжу, Нонгане были созданы курсы, готовившие торговых работников, в Пхеньяне, Хамхыне и Вонсане — специалистов по вопросам транспорта: железнодорожного, морского и автогужевого. Кадры для металлургической, горнорудной, энергетической и химической промышленности готовили специальные промышленные курсы.

Обучение продолжалось от трех месяцев до двух лет. Преимущество этой системы заключалось в том, что она за короткий срок готовила кадры почти для всех отраслей народного хозяйства. Подобные школы и курсы, хо-

рошо себя зарекомендовавшие, были широко распространены и позднее — в военные и послевоенные годы.

Одновременно в Северной Корее стали закладывать новые основы высшего образования. По постановлению Временного народного комитета от 8 июля 1946 г. в Пхеньяне был основан Университет им. Ким Ир Сена — первое в истории Кореи демократическое высшее учебное заведение. К началу 1947/48 учебного года в университете было восемь факультетов:

сельскохозяйственный (отделения: сельского хозяйства, лесного хозяйства, ветеринарии, животноводства, садоводства, шелководства, морского промысла и естественных наук);

промышленный (отделения: машиностроения, энергетики, строительства, строительно-дорожное, геологии, металлургической, горнорудной и текстильной промышленности);

транспортный (отделения: судостроения, железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта);

медицинский (отделения: терапевтическое, фармацевтическое и отоларингологии);

химический (отделения: теоретической химии, неорганической химии, органической химии и химической промышленности);

физико-математический (отделения: физическое, математическое и метеорологии);

историко-литературный (отделения: корейской истории, корейской литературы, иностранной литературы, всемирной истории, географии, педагогики и философии);

экономико-юридический (отделения: юридическое, планово-экономическое и финансовое).

При университете был создан также подготовительный факультет, а в 1948 г. открыто вечернее отделение. В 1946 г. организованы два учительских института — в Пхеньяне и Чхончжине (на тысячу студентов в общей сложности), а также медицинский институт в Хамхыне.

Уже на первом году существования народно-демократической власти в Северной Корее насчитывалось четыре высших учебных заведения, где обучались 3134 студента [95, 1949, 129]. В последующие годы были открыты учительский институт в Синыйчжу, политехнический в Хынаме и медицинский в Чхончжине.

Однако восстановление и развитие народного хозяйства опережало подготовку специалистов в высших учебных заведениях. По-прежнему существовал разрыв между потребностями и реальными возможностями удовлетворения потребностей промышленного производства в специалистах. Отсутствие высококвалифицированных кадров на производстве приходилось восполнять специалистами средней квалификации. Они сыграли немаловажную роль в период выполнения первых народнохозяйственных планов. С 1947 г. в стране большое распространение получила подготовка средних технических специалистов в техникумах и фабрично-заводских школах, созданных непосредственно на производстве и для заочного обучения производственников.

Чтобы ускорить подготовку национальной интеллигенции, в высших учебных заведениях Северной Кореи довоенного периода был установлен сравнительно короткий срок обучения — от двух до четырех лет: в университете, медицинском и политехническом институтах — четыре года; в сельскохозяйственном и педагогическом институтах — три, в учительском институте — два года. Исключение составляли некоторые факультеты медицинских институтов, где студенты обучались пять лет.

В связи с увеличением потребностей народного хозяйства в квалифицированных специалистах было решено реорганизовать Университет им. Ким Ир Сена. В 1948 г. на основе его промышленного, сельскохозяйственного и медицинского факультетов были созданы новые институты: Пхеньянский политехнический, Пхеньянский медицинский и Саривонский сельскохозяйственный.

Высшие учебные заведения, открытые в Северной Корее впервые, не располагали ни учебными пособиями, ни лабораторным оборудованием. Малочисленные преподаватели вузов нуждались в идеологической переподготовке, в повышении теоретических и специальных знаний. Следовало создать новую методику преподавания, организовать весь учебный процесс на новых, демократических началах.

Коренная реорганизация системы просвещения и демократизация системы высшего образования в Северной Корее были осуществлены при непосредственном содействии советских специалистов, с использованием богатого опыта советских школ и высших учебных заведений.

Преподавательская работа в высших учебных заведениях, в том числе в Университете им. Ким Ир Сена и в Политехническом институте им. Ким Чака, в полной мере развернулась с приездом советских ученых, первая группа которых прибыла в страну летом 1948 г. [182, 1953, № 3—4, 47]. История создания и развития Университета им. Ким Ир Сена и Политехнического института им. Ким Чака тесным образом связана с бескорыстной братской помощью советского народа.

В стенах университета, передавая корейским коллегам свои знания и опыт, работали высококвалифицированные научные специалисты, профессора и доценты кафедр марксизма-ленинизма, русского языка, политической экономии, органической химии, истории, биологии, физико-математических наук и т. д. [182, 1953, № 3—4, 48].

Подобную картину можно было наблюдать во многих других высших учебных заведениях страны. Советские ученые читали лекции, организовывали семинарские занятия и консультации. При их активном участии и помощи составлялись учебные программы для студентов, переводились на корейский язык советские учебники.

На основании заключенного 17 марта 1949 г. между двумя странами соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве и по просьбе корейского правительства в страну в 1949 г. прибыло более 30 советских ученых [182, 1953, № 3—4, 46]. Прикомандирование советских ученых продолжалось и в дальнейшем.

Советские научные и практические организации оказали большую помощь в обеспечении институтов учебными пособиями, библиотечными фондами и лабораторным оборудованием.

В короткие сроки в стране была заложена материальная база технического образования, сформированы национальные кадры преподавателей, создана широкая сеть учебных заведений, выпускающих образованных специалистов для различных отраслей народного хозяйства. Перед самым началом войны 1950 г. в КНДР насчитывалось 15 учебных заведений с 12,5 тыс. студентов [82, 172]. Кроме того, в ряде институтов были открыты вечерние и заочные отделения, на которых обучались 6 тыс. студентов. Уже в 1949 г. эти учебные заведения выпустили 1177 специалистов, а техникумы республики — 3849 [82, 157, 175].

Характерной особенностью большинства первых высших учебных заведений Северной Кореи было сравнительно небольшое число учащихся. В каждом институте обучалось в среднем от 350 до 700 студентов; исключение составляли университет (2416 студентов), Пхеньянский политехнический и Вонсанский сельскохозяйственный институты.

В отличие от колониального периода, когда институты были сосредоточены в Сеуле, высшие учебные заведения Северной Кореи были размещены более или менее равномерно: в центральных районах, на западном и восточном побережьях и в северных районах. В 1949/50 учебном году 15 высших учебных заведений были размещены в семи, а техникумы — во всех девяти провинциях КНДР. Об этом можно судить по следующим данным, взятым из материалов, помещенных в сб.: [82, 171—172]:

Провинция	Число вузов	Число студентов	Число техникумов	Число учащихся
Южная Пхёнан	7	7 529	13	8 000
В том числе в Пхеньяне	7	7 529	7	5 000
Северная Пхёнан	1	640	9	4 000
Чаган	—	—	2	1 000
Южная Хванхэ	1	444	7	3 000
Северная Хванхэ	1	543	3	1 000
Канвон	1	996	9	5 000
Южная Хамгён	2	1 368	11	6 000
Северная Хамгён	2	942	15	6 000
Всего . . .	15	12 462	69	34 000

Из этих данных видно, что наибольшее число вузов приходилось на провинцию Южная Пхёнан, где расположен Пхеньян. Второе место заняли промышленно развитые провинции Южная и Северная Хамгён, каждая из которых имела по два высших учебных заведения; в этих провинциях было сосредоточено 26 техникумов из 69, что составляло 37,6% их общего числа. В 1950 г. в Северной Корее не было уже ни одной провинции без высшего учебного заведения или техникума.

Институты и техникумы создавались в тех районах, где имелась соответствующая производственная база. Так, например, политехнические институты, созданные еще в первые годы после освобождения, были размещены в двух крупнейших промышленных центрах республики —

Пхеньяне и Хыннаме. Строительство учебных заведений рядом с производственной базой укрепляло связь обучения с производством, не говоря уж об экономии средств. Равномерное распределение учебных заведений предотвращало чрезмерную концентрацию специалистов в центре и способствовало рациональному использованию их в народном хозяйстве.

Специализация вновь открываемых институтов и их количественное соотношение определялись в зависимости от того, какая из задач народнохозяйственной политики партии является наиболее важной на том или ином этапе развития страны.

На первом этапе народно-демократической власти одними из главных задач культурной революции Северной Кореи были ликвидация неграмотности и всемерное развитие просвещения. Только на базе развитого народного образования возможно было решение всех остальных задач социалистической культурной революции: всеобщий подъем культурного уровня населения, массовая подготовка специалистов, дальнейшее развитие науки и техники. В 1949 г. в основном ликвидирована неграмотность во всей республике. В 1950 г. в КНДР впервые в Азии было введено всеобщее обязательное начальное обучение. Практическое решение задач культурной революции, организация всеобщего обязательного начального обучения в стране предполагали не только строительство школьных помещений и издание учебных пособий, но и подготовку большой армии учителей.

Началась массовая подготовка учительских кадров. Правительство Северной Кореи создавало для обучающихся в педагогических учебных заведениях лучшие материальные условия. Постановление Временного народного комитета Северной Кореи от 24 июня 1947 г. «Об обеспечении государственной стипендией студентов», предоставлявшее всем учащимся педагогических учебных заведений и курсов (независимо от их социального происхождения) государственную стипендию, способствовало большому притоку студентов в педагогические учебные заведения. В 1948 г. из 11 высших учебных заведений четыре были педагогическими, в них обучалось 2010 студентов (25% общего числа студентов республики), т. е. почти столько же, сколько обучалось в технических высших учебных заведениях (2082) [95, 1949, 129].

В 1949 г. в КНДР было 14 дневных педагогических техникумов, где обучалось 11 114 студентов [198, 1949, № 8, 20].

Самыми первыми выпускниками высших учебных заведений республики также были педагоги. В 1947 г. их выпустили 70 [1], а в 1948 г.— 577. Количество педагогических работников с каждым годом возрастало. Наряду с институтами и техникумами учительские кадры готовились также на полугодичных центральных и местных педагогических курсах. Здесь проходили также переподготовку тысячи старых специалистов. В результате число преподавателей в 1949/50 учебном году по сравнению с 1946/47 учебным годом увеличилось более чем на 20 тыс. [82, 173].

Подготовка учительских кадров продолжалась и в военные годы. Кроме того, большое распространение получило заочное обучение. В 1953 г. в КНДР функционировало четыре заочных педагогических института и семь заочных техникумов.

В годы войны (1950—1953) во время массированных налетов «летающих крепостей» и в результате применения интервентами тактики «выжженной земли» были разрушены многие мирные объекты, в том числе школы, техникумы и институты. Было сожжено здание университета в Пхеньяне. Институты пришлось эвакуировать в безлюдные горные районы. За время войны университет четырежды менял свое местопребывание, и каждый раз на новых местах силами студентов и преподавателей строились помещения, где размещались учебные аудитории, лаборатории и библиотека. Несмотря на эти трудности, занятия в высших учебных заведениях продолжались.

В ряде институтов параллельно с учебной и научно-исследовательской работой была организована техническая помощь промышленным предприятиям страны. Так, Политехнический институт им. Ким Чака командировал на заводы и рудники исследовательские группы, состоявшие из преподавателей, инженеров и студентов-практикантов, которые изыскивали возможности усовершенствования трудовых процессов.

---

[1] В 1946 г. в двухгодичный Пхеньянский учительский институт были приняты студенты одновременно на оба курса.

В годы войны КНДР значительно увеличила число студентов, обучавшихся в СССР. Одновременно с этим республика посылала своих студентов на учебу и в другие социалистические страны [2]. Верные принципу пролетарского интернационализма, братские страны оказывали корейскому народу, боровшемуся против американских интервентов, большую материальную помощь. Подготовка специалистов была одной из форм такой помощи, при этом весьма своевременной. Но важен был не только рост числа корейских специалистов — каждая из социалистических стран передавала КНДР свои научные традиции, научно-технические достижения и опыт.

Создание кадров технической интеллигенции

Война оставила после себя груды развалин. Нужно было строить все заново, начиная с промышленных предприятий и кончая жилыми домами. Решение этих задач было немыслимо без большой армии инженеров и техников, а их было крайне недостаточно. Крупнейшие промышленные предприятия и комбинаты республики имели в своем распоряжении всего по нескольку десятков инженеров и техников. Так, на металлургическом заводе Соннима в 1953 г. работали 28 инженеров и 50 техников [207, 12.XII.1953].

В технических высших учебных заведениях первый выпуск состоялся только перед самой войной. Следует помнить, что в довоенные годы, несмотря на большое внимание, которое ТПК уделяла подготовке технических специалистов, их удельный вес в общей массе обучавшихся был все еще незначителен. В 1948 г. студенты, обучавшиеся техническим специальностям, составляли приблизительно треть общего числа учащихся высшей школы [3].

---

[2] В социалистические страны были посланы многие тысячи студентов и стажеров для обучения в основном техническим специальностям.

[3] Расчет автора по данным справочника «Чосон чунъань 1949 ёнгам», стр. 129 (в это число включены наряду со студентами двух политехнических институтов также студенты технических факультетов Университета им. Ким Ир Сена).

Учитывая нужды народного хозяйства, шестой пленум ЦК ТПК, состоявшийся в августе 1953 г., вынес решение обучать 70% студентов техническим профессиям. Подобная политика проводилась и в отношении студентов, обучавшихся в СССР и странах народной демократии. Анализ профессионального состава корейских студентов в советских высших учебных заведениях показывает, что в 1958—1962 гг. (данными более ранних лет мы не располагаем) 79—81% студентов получили технические специальности: энергетиков, металлургов, специалистов по горному делу и радиосвязи, станкостроителей, химиков, транспортников и т. д.

В 1953—1955 гг. в республике широко развернулось строительство новых высших и средних специальных учебных заведений: открылись инженерно-строительный, политико-экономический, химико-технологический и другие институты. В 1956 г. в КНДР насчитывалось 19 высших учебных заведений [95, 1956, 20]. В 1954/55 учебном году были открыты десять техникумов повышенного типа (их называли также высшими техническими школами), куда зачислялись выпускники средних школ. Многие средние школы были превращены в техникумы. Соответственно возросло и число учащихся. Уже в 1955/56 учебном году в средних учебных заведениях республики насчитывалось 26 тыс., а на курсах технической подготовки, созданных для обучения специальным производственно-техническим процессам,—свыше 24 тыс. учащихся — выпускников семилетних школ [75, 66]. Однако, как отметил III съезд ТПК, состоявшийся в апреле 1956 г., подготовка технических специалистов отставала от быстрых темпов роста народного хозяйства. Так, в отраслях тяжелой промышленности в 1956 г. потребность в инженерно-технических работниках была удовлетворена лишь на 50%.

Не лучше обстояло дело в сельском хозяйстве, на транспорте, в легкой, рыбной промышленности и в других отраслях народного хозяйства.

После III съезда ТПК подготовка средних технических специалистов значительно расширилась. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы [составлена по материалам сб.: 95, 1957, 106, табл.; 95, 1960, 233, табл.]:

Рост числа техникумов и учащихся в КНДР

Учебные заведения	1949/50 учебный год		1956/57 учебный год		1959 г.	
	число техникумов	число учащихся	число техникумов	число учащихся	число техникумов	число учащихся
Средние технические специализированные	55	23 061	103	34 292	120	53 453
Высшие технические специализированные	—	—	10	1 753	46	9 220
Заочные технические специализированные	—	—	—	—	64	9 920
Вечерние технические специализированные	17	4 353	56	5 475	106	13 009
Всего . . .	72	27 414	169	41 520	336	85 602

Из таблицы видно, что к 1956 г. было создано 169 техникумов, а через три года их было почти вдвое больше.

В дальнейшем при организации техникумов основной упор делался на заочное и вечернее обучение. За три года (1956—1959) было открыто 167 новых техникумов, 114 из них были вечерними и заочными. С 1958 г. число студентов заочных и вечерних отделений техникумов неизменно росло и уже к 1959 г. превысило 22 тыс. [95, 1960, 233].

В 1959 г. были открыты 15 институтов, преимущественно технических: горный, машиностроительный, энергетический, радиосвязи, сельскохозяйственный и др. Среди вновь открытых институтов только три имели гуманитарное направление — институт кинематографии, литературы и права.

В 1956/57 учебном году в высших учебных заведениях КНДР обучались 22 тыс. студентов, а в 1959/60 учебном году — уже 52 тыс. Соответственно увеличилось и число выпускников техникумов и высших учебных заведений. Об этом свидетельствуют следующие данные [82, 173, 175]:

Учебные заведения	1949 г.	1953 г.	1956 г.	1959 г.	1960 г.
Техникумы	3849	3789	4969	12 040	14 606
Высшие технические школы	—	—	—	2 794	3 468
Высшие учебные заведения	1177	1143	2833	5 264	6 455

Таким образом, техникумы и высшие технические школы в 1960 г. выпустили 18 014 средних технических специалистов, т. е. в 3,6 раза больше, чем в 1956 г. А число выпускников высших учебных заведений в 1960 г. составляло 6455, т. е. в 2,2 раза больше, чем в 1956 г.

В послевоенные годы, когда в республике широким фронтом развернулись строительные работы, а многочисленные предприятия восстанавливались, реконструировались и строились на базе новой техники, особенно большое значение имела помощь братских социалистических стран в подготовке национальных технических кадров. Специалисты из Советского Союза и стран народной демократии приняли активное участие в восстановлении и развитии народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики. В процессе совместной работы они передавали корейским друзьям свой опыт в организации и налаживании производства, использовании передовой техники и технологии производства, помогали повышать знания и квалификацию.

Восстановление народного хозяйства по трехлетнему плану на основе новой техники, строительство в дальнейшем предприятий с новейшим оборудованием и с использованием передовой технологии, которое должно было осуществляться при бескорыстной помощи всех братских социалистических стран, предполагали обеспечение производства специалистами высокой квалификации, соответствующей уровню знаний, достигнутых в передовых, развитых странах. В связи с этим необходимо было решительное улучшение качества подготовки специалистов.

Действовавшая в военное время старая система образования оказалась неприемлемой в новых условиях. В числе первых постановлений, принятых после заключения перемирия Кабинетом министров, было решение о перестройке системы образования в народных школах, техникумах и высших учебных заведениях (19 июля 1953 г.). Срок обучения в техникумах и высших учебных заведениях был продлен: в университетах и политехнических институтах введено пятилетнее обучение, во всех остальных высших учебных заведениях — четырехлетнее (в тех-

никумах — 3,5—4 года). III съезд ТПК принял решение приблизить техникумы и другие учебные заведения, готовящие технические кадры, к производственным предприятиям. Но все эти меры были лишь подготовкой к принятию закона о перестройке системы образования. Он был утвержден на шестой сессии Верховного народного собрания КНДР второго созыва (1959 г.).

Перестройка системы образования, основным содержанием которой было укрепление связи с жизнью, стала настоятельной необходимостью к концу 50-х годов, когда развернулась техническая реконструкция народного хозяйства. Она была призвана значительно улучшить подготовку специалистов. Новая система народного образования предусматривала обучение детей и подростков в начальной школе в течение четырех лет, в неполной средней школе — трех, в технической школе — двух и в высшей технической — около двух лет.

После семилетнего общеобразовательного обучения, которое является всеобщим и обязательным, учащиеся поступают в технические и высшие технические школы. Технические школы специализированы по отраслям народного хозяйства: промышленные, сельскохозяйственные, транспортные, строительные и т. д. Имеются также школы по медицине и физкультуре, училища искусства, куда могут поступать выпускники семилетки.

Наиболее широкая специализация была проведена в области промышленного обучения, о чем свидетельствуют следующие данные [173, 70]:

Школы	Специализация
Промышленные	Горное дело, металлургия, машиностроение, органическая химия, неорганическая химия, типографское дело, текстильная промышленность, пищевая промышленность, энергетика, технология, лесное хозяйство
Транспортные	Железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, судоходство
Строительные	Строительство
Сельскохозяйственные	Сельское хозяйство, животноводство
Морского промысла	Морские промыслы
Экономические	Торговля, социальное обеспечение, экономика
Медицинские	Медицина
Искусства	Танцы, музыка, театр, архитектура, скульптура, живопись
Физкультуры	Физкультура

В промышленных и сельскохозяйственных школах в 1959/60 учебном году обучались 80% всех учащихся средних школ, в медицинских — 12, во всех остальных — 8% [173, 170]. Ученики технических школ приобретали одновременно общеобразовательные и технические знания. Техническая школа с двухгодичным сроком давала одну или две специальности. Выпускники имели право работать на производстве. Высшие технические школы давали среднее образование и среднее специальное образование, выпускники могли не только работать в качестве техников, но и продолжать учебу в любом высшем учебном заведении.

После принятия закона в республике открылось много технических школ обоих типов; к 1962 г. их стало 1288 (407,5 тыс. учащихся). В 1964/65 учебном году в республике насчитывалось 1144 технические и 464 высшие технические школы, где обучалась 441 тыс. учащихся. Каждый город и уезд располагал четырьмя-пятью техническими и одной-двумя высшими техническими школами [95, 1965, 168].

Строительство многочисленных технических школ и активная специальная подготовка учителей для этих школ позволили ввести в КНДР всеобщее обязательное 9-летнее политехническое обучение (с 1 апреля 1967 г.). По постановлению Кабинета министров «О правильном осуществлении закона о всеобщем девятилетнем политехническом обучении» [211, 12.III.1967] бывшая семилетка объединялась с двухлетней технической школой, в результате создавалась четырехлетняя начальная и так называемая средняя школа первой ступени (пятилетняя).

Средняя школа первой ступени после введения всеобщего девятилетнего политехнического обучения должна охватывать обучением всех детей школьного возраста, давая им наряду с общеобразовательными знаниями и основы политехнического образования. Она призвана повышать общеобразовательный и культурно-технический уровень населения страны. Ее выпускники могут поступать в среднюю школу второй ступени, или, как ее иначе называют, двухлетнюю высшую школу, которая является не средним специальным, а полным средним общеобразовательным учебным заведением. В наличии специальной школы, дающей полное среднее образование, можно усмотреть принципиальную особенность и положи-

тельное отличие новой реформы школьного образования от старой (1959 г.). Выпускники средней школы первой ступени могут также поступать в высшие технические школы (срок обучения в них с 1968/69 учебного года продлен до 3—4 лет), а также в другие специализированные школы (физики, педагогические и др.).

Новая система образования является более гибкой, более соответствует современным требованиям: она повысит уровень культурно-технической подготовки населения (в результате всеобщего девятилетнего политехнического обучения) и в то же время даст в достаточном объеме общеобразовательные знания (через двухлетнюю высшую школу) [4].

Школьное образование, являясь начальным этапом и в то же время одним из составных звеньев всего культурного строительства, самым тесным образом связано с подготовкой новых кадров интеллигенции. Оно способствует повышению общеобразовательного и технического уровня всего населения. Последнее действует как важный фактор экономического развития страны, способствуя совершенствованию производства и росту производительности труда. Для социалистических стран, которые в прошлом были высокоразвитыми индустриальными державами с высоким уровнем технического образования и большим отрядом технической интеллигенции, возможно, и нет насущной необходимости вводить обязательное политехническое обучение. Но для стран, бывших в прошлом аграрными, отсталыми, а тем более колониями, не имевших национальных технических кадров, чье современное индустриальное развитие требует привлечения в короткие сроки большого числа новых специалистов, такое решение проблемы технического образования, какое принято в КНДР, на наш взгляд, является оптимальным вариантом.

Учитывая, что КНДР — страна, где введено всеобщее обязательное девятилетнее политехническое образование, можно предположить, что в области социалистического культурного строительства, в частности в области просвещения и подготовки новой технической интеллигенции,

---

[4] В этой связи небезынтересно отметить, что в Южной Корее подавляющее большинство (2/3) средних школ является учебными заведениями чисто гуманитарного профиля [179, 375].

ее опыт явится серьезным вкладом в коллективную практику социализма.

Тесная связь обучения с производством начала осуществляться и в высших учебных заведениях. Характерной ее формой стала продолжительная практическая работа, выполняемая студентами. Так, в Хыннамском политехническом институте, по данным 1962 г., на практическую работу для студентов I и II курсов отводилось 320 часов в год, для студентов III курса — 240 часов по специальности и 280 часов общей практики. Студенты IV и V курсов принимали участие в конструкторско-проектной работе, разработке технологии и решении инженерно-экономических проблем производства. Каждый студент этого института работал на производстве по пять смены через каждые два дня на протяжении всего срока обучения.

Для проведения практических работ студенты и преподаватели строили при институтах небольшие экспериментальные мастерские, производившие цемент, фосфорные удобрения, синтетические волокна (в Хыннамском политехническом институте), фарфор (в университете) и т. д. Чтобы получить доброкачественную продукцию, государство планомерно обеспечивает высшие учебные заведения оборудованием и сырьем. Августовский пленум (1960 г.) ЦК ТПК обязал экспериментальные мастерские (в корейской специальной литературе они называются экспериментальными заводами) Университета им. Ким Ир Сена, Политехнического института им. Ким Чака, Пхеньянского машиностроительного и Хамхынского химического институтов производить оборудование для остальных высших учебных заведений страны.

К началу семилетки в подготовке технических кадров были уже значительные достижения. Если в 1945—1959 гг. специалисты, подготовленные для промышленности и сельского хозяйства, составляли 41,4% общего числа всех выпускников высших учебных заведений страны, то в 1960 г. — уже 53,4% [173, 52].

Но потребность производства в специалистах попрежнему опережала их подготовку; важнейшие отрасли народного хозяйства в августе 1960 г. были обеспечены инженерно-техническими кадрами в среднем только на 35,4%; в целом же народное хозяйство страны было обе-

спечено специалистами следующим образом [211, 11.VIII.1960]:

Отрасль	Обеспеченность кадрами, %
Машиностроение	20,1
Электроэнергетика	35,6
Химическая промышленность	49,4
Горнорудная промышленность	39,5
Рыбная промышленность	18,9
Пищевая и перерабатывающая промышленность	7,3
Легкая пормышленность	15,4
Капитальное строительство	15,1
Сельское и лесное хозяйство	28,1
Транспорт	25,6

Эти данные показывают, сколь значительной была диспропорция между возросшими потребностями производства в кадрах специалистов и их обеспеченностью. Это несоответствие не могло не ослабить темпы экономического развития страны.

Вопрос о подготовке технических кадров стал предметом специального рассмотрения на расширенном пленуме ЦК ТПК, состоявшемся в августе 1960 г. Было решено всемерно расширить существующие высшие учебные заведения и увеличить число учащихся; при заводах, сельскохозяйственных кооперативах, стройках, больницах и т. д. с 1960/61 учебного года открыть высшие технические школы (вечерние и дневные); расширить заочное обучение.

При высших учебных заведениях, технических институтах, создаваемых на промышленных предприятиях, на стройках и т. д. по решению августовского пленума ЦК ТПК 1960 г., организовались двухгодичные подготовительные факультеты. В эти учебные заведения принимали только производственников с двухлетним стажем практической работы. Учитывая характер контингента студентов, основное внимание в учебных планах этих институтов уделялось подготовке теоретически грамотных специалистов того предприятия, на базе которого институт создавался. Во всех высших технических учебных заведениях четырехлетнее обучение, а в высших технических школах — двух-трехлетнее[5]. Выпускники вечерних инсти-

[5] Исключение составляли лечебные факультеты медицинских институтов, где было введено пятилетнее обучение.

тутов пользуются теми же правами, что и выпускники дневных. Считая, что не существует качественных различий в занятиях вечернего и дневного отделений, пленум ЦК ТПК вынес решение отменить термин «вечерние институты»[6]. На 1 сентября 1960 г. в стране функционировали 24 высших технических учебных заведения [173, 60].

Начиная с 1959 г. подавляющее большинство (80%) поступающих в высшие учебные заведения были уже производственниками с двухлетним стажем работы [95, 1960, 235]. Расширение сети вечернего и заочного обучения способствовало подготовке специалистов, хорошо знающих производство. Подавляющее большинство рабочих получило возможность учиться заочно в высших учебных заведениях. В 1959/60 учебном году в высшие учебные заведения было принято 10 тыс. студентов-заочников. В 1960 г., например, 60% рабочих Пхеньянского завода точных химических приборов, 61% рабочих Кусонского станкостроительного завода и 59% рабочих Хыннамского завода минеральных удобрений учились без отрыва от производства [211, 14.IX.1961].

Поощряя заочное образование студентов, народная власть предоставила им льготы. Студенты-заочники обеспечиваются бесплатными учебными пособиями; для сдачи текущих экзаменов они получают двухмесячный оплачиваемый отпуск, а для выпускных — шестимесячный. Число студентов-заочников из года в год растет. Если в период до 1960 г. они составляли 33,3% всех студентов республики, то в 1960/61 учебном году — 57,3% [200, 1962, № 7, 16]. И в дальнейшем подготовка значительной части технических специалистов проводилась через заводские высшие технические учебные заведения и другие каналы заочного обучения.

В сентябре 1961 г. в различных отраслях народного хозяйства КНДР работали 133 тыс. инженеров и техников, т. е. вдвое больше, чем в 1956 г. [86, 18]. К 1961 г. все без исключения современные заводы и фабрики КНДР управлялись национальными инженерно-техническими кадрами. В конце 1962 г. в КНДР насчитывалось уже 233 тыс. технических специалистов [193, 1963, № 3, 3].

[6] После 1960 г. в статистические данные о числе высших учебных заведений КНДР стали включать наряду с дневными и все вечерние институты.

В создании технической интеллигенции КНДР неоценимую помощь оказали социалистические страны во главе с Советским Союзом. За одиннадцать лет (1951—1962) советские высшие учебные заведения выпустили 1035 специалистов, среди них свыше 200 научных работников.

Наибольшее число студентов было отправлено в социалистические страны (в том числе СССР) в годы войны 1950—1953 гг.

Начиная с 1954 г. численность присылаемых на учебу в СССР корейских студентов и аспирантов постепенно сокращалась. К 1962 г. потребность КНДР в массовой подготовке специалистов за границей, в социалистических странах, отпала: к этому времени была создана национальная интеллигенция, а в республике функционировали 93 высших учебных заведения.

Формирование творческой интеллигенции

Основное направление политики ТПК и народно-демократической власти в области литературы и искусства было сформулировано в документах ЦК ТПК: в 20 пунктах политической программы от 20 марта 1946 г., в решениях 29-го («О строительстве национальной демократической культуры в Северной Корее») и 43-го («Об итогах проверки деятельности Всеобщей ассоциации литературы и искусства Северной Кореи») заседаний Президиума ЦК Трудовой партии Северной Кореи 1947 г.

После освобождения в Северной Корее повсеместно стали возрождаться старые и создаваться новые кружки и союзы творческих работников: писателей, литераторов, артистов и других деятелей искусства. В большинстве своем они возникали стихийно, поэтому появилась прямая необходимость их объединения, создания на их основе руководящего центра. Он был создан в марте—апреле 1946 г. под руководством ТПК. Это была Ассоциация работников литературы и искусства. В ее состав входили союзы литераторов, театральных работников, музыкантов, художников и скульпторов, фотографов, работников кино и работников балета [95, 1949, 145]. Ассоциация работников литературы и искусства насчитывала в своих рядах 9 тыс. членов (вполне возможно, что значительную часть их составляли не профессионалы, а про-

стые энтузиасты и любители; цифровыми данными мы не располагаем).

Под руководством Ассоциации работников литературы и искусства, которая осуществляла политическую линию ТПК, творческая интеллигенция активно участвовала в демократическом строительстве.

Театры, издательства и типографии нужно было создавать на пустом месте. В созидательной и творческой работе ТПК и работников искусств сразу же встретились большие трудности, связанные с необходимостью реалистически отразить новую жизнь трудового народа. В то время в корейской литературе и искусстве были распространены схематизм, формализм, натурализм, порожденные неглубоким знанием реальной действительности, недостаточно вдумчивым изучением совершающихся в стране социальных преобразований и невысоким профессиональным мастерством некоторых писателей и творческих работников. В своем выступлении «Культура и искусство должны служить народу» (май 1946 г.) Ким Ир Сен поставил перед корейской художественной интеллигенцией ряд задач: укреплять связи творческих работников с массами, глубоко изучать народную жизнь; развертывать классовую борьбу на идеологическом фронте, активно участвовать в ней; усиливать агитационно-пропагандистскую деятельность [63, 3].

Тов. Ким. Ир Сен призывал творческую интеллигенцию принимать активное участие в идеологической и культурной жизни страны.

Создание новой корейской литературы — это процесс утверждения и развития в ней принципа социалистического реализма.

Об истории развития корейской литературы, о жизни и творчестве отдельных корейских писателей советскими авторами написано немало литературных работ[7]. Не касаясь здесь специальных проблем, мы делаем лишь попытку кратко охарактеризовать участие писательской интеллигенции в развитии новой корейской литературы.

Еще до освобождения страны значительные реалистические произведения, посвященные рабочему движению

[7] Среди них работы В. И. Ивановой «Ли Ги Ён. Жизнь и творчество» [117], «Из истории пролетарского литературного движения в Корее 1924—1934 гг.» [115], раздел о литературе в статье В. И. Ивановой и Л. Е. Еременко «Культурная революция» [116].

и началу классовой борьбы в корейской деревне, создали пролетарские писатели и поэты Ли Ги Ён, Сон Ён, Пак Се Ён, Ли Бук Мён, Пак Пхар Ян и др. Будучи представителями старшего поколения, они сыграли главную роль в создании новой корейской литературы и после освобождения. Так, роман «Земля», выход которого представлял значительное событие в литературной жизни КНДР 40-х годов, написал Ли Ги Ён, ставший в 1949 г. первым лауреатом национальной премии. В это же время вышли в свет рассказ Ли Бук Мёна «Рабочая семья», драма Ким Тэ Чжина «Ли Сун Син». Широко популярной в те годы стала поэма Те Ги Чёна «Пэктусан».

Роман Ли Ги Ёна «Земля» корейская критика рассматривает как произведение социалистического реализма, свидетельствующее, что метод социалистического реализма в корейской литературе утвердился в первый же период после освобождения страны. Главной темой романа были осуществление вековой мечты корейского крестьянства — получение земли в результате аграрной реформы 1946 г.— и становление демократических порядков в корейской деревне. Ломка старого уклада жизни, складывание новых взаимоотношений между людьми в условиях коренных социальных преобразований в стране ярко изображены в романе. Центральный его герой, бывший батрак Квак Па Ви в новой Корее становится полновластным хозяином своей судьбы. Образ Квак Па Ви рассматривается как «один из первых образцов передового человека освобожденной Кореи» [116, 235]. Роман явился плодом художественного осмысления и освоения нового жизненного материала.

Новая действительность находила свое художественное воплощение не только в прозе, но и в поэзии, драматургии, публицистике, придавая им новое содержание и новые идеи. Теме партизанской борьбы народа посвящены известная поэма Те Ги Чёна «Пэктусан», стихотворение Хан Мен Чхона «Пуккандо» и др. Созидательный труд народа, строительство новой жизни нашли свое отображение в стихотворениях поэтов Пак Се Ёна, Ан Ён Мана, Ли Чхана, Те Ги Чёна, Ким Бук Вона, Чон Мун Хян и др.

После освобождения национальная драматургия заново обрела жизнь. Более, чем другие виды литературы, она пострадала в прошлом от ассимиляторской полити-

ки японцев. Большая заслуга в развитии корейской драматургии принадлежит крупному писателю-сценаристу Сон Ёну. Его перу принадлежат такие пьесы на современную тему, как «Сестры», «Губернатор Кымсана», «Два дома рядом» и др. Отличительная черта его творчества — интерес к современности. В его обработке даже произведения устного народного творчества, рожденные в далекие времена, в иных социально-политических условиях, приобретают современное звучание. В 1964 г. по его сценарию в КНДР был снят фильм «Хынбуден», в основу которого легли старинные народные легенды «О Хынбу и Нольбу», «Нога ласточки» и др. Корейская критика дала фильму высокую оценку и отметила, что в обработке Сон Ёна «этому произведению свойственно современное видение явлений» [210, 31.I.1964].

Современность является главной темой и в творчестве других известных корейских драматургов: Син Го Сона, Пак Ён Хо, Пак Тхе Ёна, Юн Ги Хона, Хан Тхэ Чхона и др.

В суровые годы войны зародилась боевая патриотическая публицистика. Война поставила перед писателями задачу — мобилизовать средствами художественного слова трудящиеся массы на борьбу с врагом. Произведения малых форм — публицистические статьи и фронтовые репортажи, очерки и рассказы — более всего отвечали этой задаче, сравнительно быстро создавались, и создавались на основе подлинных фактов военной жизни. Боевые публицистические выступления корейских писателей были одним из самых действенных средств влияния на массы, организации их на борьбу против захватчиков. Пламенные патриотические произведения призывали народ к отмщению — публицистические статьи Ким Са Ряна «Виднеется море», «В окопах на берегу Нактонгана», «Так мы победили», произведения писателей Ли Ги Ёна «Путеец Ли Бен Сун», Хван Гона «Счастье», «Пылающий остров», Юн Хан Има «Герой республики Чин Ду Хён», Чхон Се Бона «Люди сражающейся деревни» и др.

Большую мобилизующую роль сыграла и патриотическая поэзия. Стихи поэта-агитатора Те Ги Чёна «Корея сражается», «Снежная дорога», «Смерть врагам», «Холм» и другие произведения призывали народ к борьбе, к подвигам. Широко известными стали стихи поэтов Ан Ён Мана, Пак Се Ёна, Мин Бен Гюна, Пак Пхар Яна и др.

После 1945 г. в литературу влились новые силы — молодые писатели и поэты, представители рабочей и крестьянской молодежи. Многие из них получили специальное литературоведческое образование в Советском Союзе и уже признаны народом. Популярны стихи молодых поэтов Ким Сун Сека, Ким Ха Ёна и др.

В послевоенные годы ТПК уделяла большое внимание подготовке творческой интеллигенции, в частности деятелей литературного фронта. В 1959 г. было создано несколько художественных институтов, среди которых был и литературный. С этого времени республика располагает собственной базой подготовки профессиональных писателей, поэтов, критиков и других литературных работников. Литературе обеспечено постоянное новое пополнение.

После освобождения страны широкий простор для подлинно демократического развития получили театр, изобразительное искусство, музыка и кино.

В 1947 г. в Северной Корее по постановлению Временного народного комитета были открыты первые народные театры (после объединения всех разрозненных передвижных театральных групп в государственные театры). В 1949 г. в Северной Корее насчитывалось девять профессиональных театров. Повсеместно создавались многочисленные ансамбли, гастрольные бюро. Благоприятные условия были созданы и для успешного развития различных видов изобразительного искусства (плакат, карикатура, гравюра, масляная живопись, традиционная восточная живопись). С основанием в феврале 1947 г. Государственной киностудии в Северной Корее заново создавалось корейское киноискусство.

Но встречались и немалые трудности. Одной из них было отсутствие квалифицированных кадров художественной интеллигенции, вооруженных новым мировоззрением — марксистско-ленинской идеологией. Работники искусства старой школы не сразу избавились от груза старых привычек, от старого метода и стиля работы, не сразу переходили на позиции социалистического реализма. Народно-демократическое правительство предпринимало первые шаги к созданию новой художественной интеллигенции.

В июне 1946 г. в Пхеньяне была открыта балетная студия им. Цой Сын Хи, которая впоследствии (в 1953 г.)

была превращена в государственную балетную студию. Студия готовила ежегодно по нескольку десятков исполнителей танца.

В те же годы были открыты художественные школы в Пхеньяне и Хэчжу, школа по подготовке кадров кинофикации, театральная и музыкальная школа в Пхеньяне. Кроме того, в Пхеньяне и провинциях были открыты десятки музыкальных, танцевальных и других художественных курсов, готовивших многочисленные кадры работников искусства.

В сентябре 1949 г. в Пхеньяне на базе художественной и музыкальной школ были открыты первые в Корее высшие художественные учебные заведения: художественный институт и консерватория. Курс обучения в них был рассчитан на шесть лет; первые два года приходились на подготовительный курс для поступающих. При художественном институте были созданы три факультета: живописи (западноевропейской и восточной), скульптуры и графики. Консерватория располагала первоначально факультетами теоретико-композиторским, оркестровым, вокальным и национальной музыки. В 1953 г. по постановлению Кабинета министров от 11 июля 1953 г. были дополнительно организованы новые факультеты: фортепиано, скрипки и виолончели, а позднее — дирижерский и хоровой. На всех факультетах консерватории обучалось 600 студентов. Пхеньянская консерватория стала одним из крупнейших высших учебных заведений республики, призванных готовить высококвалифицированных работников музыкального искусства.

Укрепление и расширение художественных высших учебных заведений, как и всех остальных, происходило в послевоенные годы, когда окрепла экономика страны, что благоприятствовало материальному обеспечению высших учебных заведений, и были подготовлены значительные преподавательские кадры (художественных институтов). Часть их была воспитана в высших художественных учебных заведениях СССР (как, например, во Всесоюзном государственном институте кинематографии, Государственном институте театрального искусства, Институте мировой литературы, Московской и Ленинградской консерваториях, хореографическом училище при Большом театре, Ленинградском институте скульптуры и архитектуры им. Репина и др.), куда начиная с 1947 г.

прибывали десятки корейских студентов. Многие из выпускников советских учебных заведений, обучавшиеся передовому искусству у прославленных советских мастеров, по возвращении на родину пополнили ряды преподавателей (например, в 1953 г.— группа выпускников советских театральных институтов и консерватории).

В 1959 г. впервые в Северной Корее были открыты институты кинематографии и театральный. К концу 50-х годов корейское искусство, социалистическое по содержанию и национальное по форме, успешно демонстрировало свои достижения на международных фестивалях молодежи и студентов. В 1957 г. на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве представители искусства КНДР завоевали 38 медалей, а в 1959 г. на VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене — 37 медалей. Наибольшее число наград они получили на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1961 г. в Хельсинки — 31 золотую, 10 серебряных и 10 бронзовых медалей. К концу 50-х годов работники корейского искусства достигли высокого уровня профессионального мастерства и в состоянии были оказать братскую помощь другим странам. Так, в 1960 г. корейские музыканты помогли вьетнамским коллегам в организации Большого государственного симфонического оркестра ДРВ, а театральные работники — в постановке первого вьетнамского балета в классическом стиле, «Пламя Нгеана и Ха-тиня»[8].

Государство создает все условия для развития духовных и художественных способностей народа, для повышения его художественного образования. В мае 1962 г. в Пхеньяне были открыты заочный институт искусства (с трехмесячным сроком обучения и с шестью кафедрами), институт драматургии и хореографическая школа.

В корейской литературе и искусстве трудилась многочисленная армия писателей, артистов, художников, композиторов и других работников искусства. В конце 1961 г. их насчитывалось более 10 тыс. [211, 26.XI.1961]. Их ряды постоянно пополняются выпускниками высших художественных учебных заведений, а также талантами из народа, выявленными на ежегодно проводимом Всекорейском фестивале художественной самодеятельности.

[8] Данные взяты из рукописи А. П. Шилтовой.

Научные кадры

Коммунистическая общественная формация возникает и развивается в результате осмысленной и сознательной реализации объективных закономерностей общественного развития. Историческим подтверждением этому служит опыт социалистического строительства в СССР. Социализм в СССР построен по великим предначертаниям В. И. Ленина, по научно разработанному плану партии.

Успех социалистического строительства, развитие социалистической экономики и культуры в решающей степени зависят от правильного, научно обоснованного руководства обществом. Научную основу политического руководства рабочих и коммунистических партий составляют общественные науки, а естественно-технические науки — основу технического прогресса общества.

Одной из характерных черт эпохи социализма стала необычайно возросшая роль науки в жизни общества. С переходом социалистического общества к коммунизму наука все более становится «непосредственной производительной силой» [80, 74].

Подлинная наука в Корее стала развиваться лишь после освобождения страны от японских колонизаторов. Первые научные учреждения — «Общество по изучению корейской филологии» при Университете им. Ким Ир Сена, «Комитет по составлению истории Кореи» — были основаны по решению Временного народного комитета в феврале 1947 г. В ноябре 1948 г. был создан «Комитет по изучению и охране исторических памятников материальной культуры» при Кабинете министров КНДР [95, 1949, 138]. Главной задачей комитетов была организация изучения истории, литературы и охрана памятников истории и материальной культуры корейского народа.

В колониальный период корейская история фальсифицировалась, а ее изучение запрещалось. При Сеульском императорском университете вообще отсутствовал исторический факультет. Были разрушены многие исторические памятники страны, а исторические ценности вывозились в Японию. Создание исторической науки на базе марксистско-ленинской методологии стало непосредственной задачей новой власти.

Вслед за первыми научными учреждениями общественного направления были открыты и первые научно-исследовательские институты: центральный химический институт, центральный институт горной промышленности, государственный научно-исследовательский ветеринарный институт. Это были первые научные учреждения новой Кореи, призванные развивать основы соответствующих областей отечественной науки. В тот период они не имели опыта организации научных работ, единого плана исследований, не были связаны между собой. Они не располагали в достаточном количестве квалифицированными научными кадрами, литературой и научно-технической аппаратурой.

В становлении и развитии корейской науки многостороннюю и по-братски щедрую помощь оказал Советский Союз. Чтобы помочь организовать и наладить научно-исследовательскую работу, подготовить научные кадры, в КНДР приезжали советские ученые. Первая группа прибыла в Корею 21 июля 1948 г. В составе делегации в КНДР побывали выдающиеся советские ученые — всемирно известный академик А. И. Опарин, доктора наук Б. В. Ильин, А. И. Маркушевич, М. С. Арутюнян, М. А. Майсурян, С. Т. Муравьевский, Н. Н. Колосовский и др. [95, 1949, 134]. Прикомандирование советских ученых продолжалось и в дальнейшем, особенно после заключения соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между КНДР и СССР (март 1949 г.), которое предусматривало также оказание помощи в подготовке кадров корейской интеллигенции.

Подготовка научных кадров велась через трехгодичную аспирантуру. Положение о ней содержалось в законе «О системе школьного образования в Северной Корее», принятом 18 декабря 1946 г. [73, 202]. Однако подготовка первых научных кадров республики велась и через аспирантуру советских высших учебных заведений. Так, в 1946/47 учебном году на учебу в СССР была послана первая группа молодых ученых КНДР, так как в Северной Корее в то время не было еще условий для их научной подготовки. Лишь в 1949 г. на основании приказа министерства просвещения КНДР от 6 апреля 1949 г. была открыта аспирантура в шести высших учебных заведениях республики: Университете им. Ким Ир Сена, Политехническом институте им. Ким Чака, Хамхынском

политехническом, Вонсанском сельскохозяйственном, Пхеньянском педагогическом и Пхеньянском медицинском институтах. До войны 1950—1953 гг. в аспирантуре республики обучалось 72 аспиранта [95, 153, 517], из них 19 — в Университете им. Ким Ир Сена. Несмотря на открытие собственной аспирантуры, подготовка корейских национальных научных кадров за границей, в братских странах, продолжалась, ибо «в деле воспитания аспирантов вследствие гнета японского империализма в прошлом, изолировавшего наши научные круги от передовой зарубежной науки, одних только собственных сил было совершенно недостаточно» [92, 87].

При активной помощи и поддержке СССР в КНДР в довоенный период были заложены основы будущего организующего и руководящего научного центра республики — Академии наук КНДР. В 1952 г., в период своего создания, Академия наук имела три отделения: общественных наук (с четырьмя институтами: истории, материальной культуры, экономики и права, корейского языка и литературы); технических наук (химический и физико-математический институты) и сельскохозяйственных и медицинских наук (сельскохозяйственный и медицинский институты). Первый состав Академии наук насчитывал 10 академиков и 15 членов-корреспондентов [92, 13].

Первоначально в Академии наук было восемь институтов, из них четыре гуманитарных. Такое соотношение объяснялось недостаточным уровнем развития естественно-технических наук, отсутствием соответствующих кадров. Несомненно и то, что недостаточный уровень развития научно-исследовательских работ в области естествознания и технических наук объяснялся трудностями военного времени. Ученым приходилось вести свои изыскания и практические работы при полном отсутствии научной аппаратуры и сырья. Так протекала, например, исследовательская работа ученых-химиков во главе с академиком Ли Сын Ги; начиная с марта 1952 г. они вели активное изучение химического волокна — виналона. Сотрудникам этого коллектива приходилось дополнять отсутствующие заводские приборы самодельными, проделывать многокилометровые переходы по горам в поисках необходимого для опытов сырья. В такое трудное для зарождающейся корейской науки время на помощь корейским ученым снова пришли социалистические страны. Об

этом рассказывал в сентябре 1961 г. на IV съезде ТПК академик Ли Сын Ги [211, 17.IX.1961].

В годы войны КНДР была оказана большая интернациональная медицинская помощь. Первые советские госпитали были созданы на корейской земле в 1946 г. В связи с уходом в декабре 1948 г. Советской Армии из страны все советские госпитали с оборудованием были переданы корейскому народу безвозмездно.

Медицинская помощь других социалистических стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Китая, Румынии, Чехословакии) пришла с началом войны — в июне 1950 г. Она выражалась в повсеместном строительстве на территории КНДР госпиталей, оборудованных новейшей аппаратурой и полностью обеспеченных медикаментами. В них работали высококвалифицированные медицинские работники, среди которых было немало профессоров, докторов наук с многолетним стажем организационной, практической и преподавательской работы. Наряду с лечением раненых они вели большую работу по повышению квалификации корейских медицинских работников, организовывая конференции, курсы, лекции, консультации, проводя систематические занятия по обмену опытом. С их помощью в КНДР стали готовиться медицинские кадры по новым специальностям. Так, например, первые эпидемиологи республики были подготовлены при участии советских ученых.

Ценность интернациональной медицинской помощи заключалась не только в подготовке кадров, в повышении их квалификации, но и в том, что корейским медикам передавались богатейшие теоретические и практические достижения медицинской науки каждой из этих социалистических стран. Это несомненно оказало большое влияние на развитие современной корейской медицинской науки, на подъем здравоохранения республики. Медицинские бригады социалистических стран пробыли в КНДР вплоть до 1957 г.

Огромную бескорыстную научную помощь КНДР братские страны оказывали и после войны. Только за 1953—1955 гг. они прислали в адрес АН КНДР более 23 тыс. томов всевозможной литературы, более 6,5 тыс. комплектов газет и журналов. Кроме того, Советский Союз, Венгрия, Чехословакия и Румыния прислали в дар АН КНДР 315 различных видов лабораторного обору-

дования. В 1953—1955 гг. делегация научных работников АН КНДР посетила Академии наук СССР, Венгрии, ГДР и других братских стран с целью изучения, заимствования опыта организации, постановки научной работы и ознакомления с основными научными направлениями их деятельности [92, 59, 56—57].

После окончания войны в связи с восстановлением и развитием народного хозяйства республики роль ученых и научных учреждений еще более возросла. Основным направлением трехлетнего плана было создание новой для корейской промышленности отрасли — машиностроения. Это потребовало ускоренного развития других областей народного хозяйства: отечественной рудной базы, металлургии, энергетики и т. д. Успех в осуществлении народнохозяйственных задач трехлетнего плана во многом зависел от расширения научно-исследовательских работ в этих областях.

После войны 1950—1953 гг. научные учреждения республики располагали уже квалифицированными научными работниками; в годы корейской войны в советских высших учебных заведениях было подготовлено несколько десятков научных работников соответствующих специальностей. Наряду с этим значительно выросло число аспирантов, обучавшихся внутри страны. Так, в 1956 г. по сравнению с 1953 г. число их увеличилось более чем в 3 раза [92, 85].

Эта тенденция наблюдалась и в дальнейшем: в 1957/58 учебном году число обучавшихся аспирантов по сравнению с 1955/56 учебным годом увеличилось в 16 раз [92, 87].

Кроме того, Высшая аттестационная комиссия КНДР, созданная в 40-х годах при департаменте просвещения, к 1955 г. присвоила степень доктора наук 10 ученым, кандидата наук — 83, ученое звание профессора — 29 и доцента — 9031 ученому.

С возрастанием роли Академии наук в развитии народного хозяйства и расширением объема исследовательских работ стала необходимой ее организационная перестройка для усовершенствования и конкретизации руководства научными учреждениями. В 1956 г. от Академии наук отделился Комитет сельскохозяйственных наук, в дальнейшем были созданы Академия медицинских наук и Комитет архитектуры.

Тем не менее еще трудно было добиться необходимой эффективности научных исследований: малочисленны были кадры научных работников, недоставало в стране широкой научной общественности.

На состоявшемся летом 1956 г. заседании Президиума АН КНДР, а затем и пятой сессии АН КНДР было принято решение о разработке десятилетнего перспективного плана научных исследований. Первоочередной задачей было «создание основы для развивающейся теории» [92, 81]. Для составления десятилетнего плана был создан специальный комитет из 12 человек. К его разработке были привлечены коллективы работников научно-исследовательских институтов, производственные ведомства и другие практические организации. В составлении плана участвовали также советские ученые. В 1956—1957 гг. дважды из Советского Союза командировались делегации советских специалистов [92, 73—74].

В разработке научно-технических проблем большую помощь КНДР оказывали социалистические страны (по линии как научно-технического, так и культурного сотрудничества). В 1954—1957 гг. КНДР подписала соглашение о научно-техническом сотрудничестве со всеми европейскими странами народной демократии. За 1958—1959 гг. эти страны передали корейскому народу безвозмездно в порядке обмена несколько сотен комплектов научно-технической документации, касающейся различных отраслей экономики: машиностроения, металлургии, электротехники, горнодобывающей промышленности, т. е. именно тех отраслей, развитие которых было крайней необходимостью для народного хозяйства республики. Соглашения о научно-техническом сотрудничестве с КНР, ДРВ и МНР были заключены несколько позже, в 1957—1959 гг. [211, 1.I.1958; 30.I.1960; 31.VII. 1959].

Научные силы социалистических стран оказывали КНДР непосредственную помощь и содействие в развитии отдельных областей науки, в частности геологии. Всемерное развитие геологической науки и создание научных кадров стало одной из важнейших задач АН КНДР в связи с основанием сырьевой базы для отечественного машиностроения. По специальному указу Кабинета министров и по решению сентябрьского пленума ЦК ТПК 1958 г. были приняты срочные меры по подготовке специалистов-геологов. К январю 1959 г. было уком-

плектовано 70 геологических групп для систематической разведки полезных ископаемых [211, 23.I.1959].

Советский Союз оказал помощь в этой области сразу же после окончания корейской войны — в 1954 г. Сначала это были разведочные работы; геологические изыскания советской экспедиции начались в 1956 г. «Первая экспедиция по просьбе корейских организаций занималась выявлением перспектив трех месторождений: свинцового Манми, вольфрамового Кохсан и медного Хучан. Геологи подсчитали запасы в этих месторождениях» [68, 198]. Эта работа способствовала выявлению перспектив развития горнорудной промышленности КНДР и помогла наметить объекты разведочных и эксплуатационных работ.

В 1954—1958 гг. в КНДР было откомандировано 48 советских специалистов. Они участвовали в организации геологической службы, в составлении геологических карт и подготовке кадров корейских геологов. В этот же период на основании соглашения, заключенного между АН КНДР и Комитетом по изучению геологии промышленных металлов, с одной стороны, и отделом геологического исследования Дальневосточного филиала АН СССР — с другой, о совместном изучении полезных ископаемых КНДР корейские ученые и специалисты-геологи вместе с советскими учеными начали совместное обследование геологической структуры страны и определение возраста руд.

Составленный в феврале 1959 г. в Пхеньяне план культурного содружества между СССР и КНДР на 1959 г. также предусматривал научное сотрудничество академий наук обеих стран. Академии наук договорились о совместном изучении геологического строения и рудных месторождений северо-восточной части КНДР и Южного Приморья СССР.

Совместные геодезические и геологические исследования северо-восточных районов Кореи позволили установить районы концентрации никелевых и хромовых руд, открыть месторождение никеля, выяснить причины образования залежей таких полезных ископаемых, как молибден, вольфрам, медь, железо и др. в провинциях Южная Хамгён и Янган, разработать научные нормы рациональной разработки этих месторождений.

В результате совместной работы геологов был обеспечен прирост промышленных и перспективных запасов по-

лезных ископаемых, имеющих важное народнохозяйственное значение. С 1954 до 1963 г. включительно в экспедициях советских геологов в КНДР участвовало 78 специалистов. Совокупность всей этой работы корейских и советских специалистов имела большое значение для развития корейской геологической науки.

В 1961 г. по постановлению Кабинета министров в 14 высших учебных заведениях республики были открыты аспирантуры для подготовки научных работников по специальностям: химия, биология, математика, физика, машиностроение, энергетика, филология и др. В 21 научно-исследовательском институте АН КНДР заочно обучалось 400 аспирантов из числа лучших работников, прикомандированных производством [203, 1962, № 6, 4]. Кроме того, в 1962 г. была учреждена докторантура в Университете им. Ким Ир Сена, Политехническом институте им. Ким Чака и в Пхеньянском медицинском институте, а также в научно-исследовательских институтах АН КНДР — институте истории, физико-математическом и техническом.

Таким образом, в 1962 г. подготовкой молодых ученых республики занимались аспирантуры 21 научно-исследовательского института Академии наук и 14 высших учебных заведений страны. Это, несомненно, свидетельствовало о значительных успехах, достигнутых корейским народом в развитии науки.

Однако корейская наука по-прежнему нуждалась в специалистах-исследователях в области радиационной химии, радиационной биологии и т. д.; их могли полготовить в Советском Союзе и других социалистических странах. Только на основе всемерного расширения научного сотрудничества с социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом, чья наука «сейчас в целом ряде разделов физики, математики, химии, биологии и геологии занимает передовые позиции» [207, 22.X.1961] и уверенно возглавляет мировой научно-технический прогресс, возможно рационально и успешно решить поставленную партией задачу — догнать передовые страны по уровню развития науки. Широкое научное сотрудничество с социалистическими странами будет способствовать установлению между ними взаимной научной информации — одного из важнейших условий эффективности научных исследований.

Это тем более важно, что научные круги Кореи в колониальный период были изолированы от передовой зарубежной науки.

Значительные успехи были достигнуты в области гуманитарных наук. После создания в республике первых научных учреждений и до середины 50-х годов был подготовлен значительный отряд ученых-обществоведов, вооруженных марксистско-ленинской теорией, которым партия поручила ведение широких исследований в области экономики, истории, философии. Уже к началу 60-х годов были опубликованы значительные труды по археологии: «Археология корейского первобытного общества», «Доклады об археологических раскопках», а также по истории: «История Кореи», «История Кореи в средние века» (2 т.), «История освободительной борьбы корейского народа», «История ТПК» и др. Плодотворная работа корейских историков получила положительную оценку руководящих деятелей партии на IV съезде ТПК, состоявшемся в 1961 г. За последнее время историки КНДР занимаются исследованиями по вопросам рабочего движения, национально-освободительной борьбы, разным аспектам социально-экономической истории и культуры корейского народа, по проблемам современности. Большое внимание они уделяют изучению партизанской борьбы в 30-е годы, современного политического положения и культуры Южной Кореи.

Критические замечания на съезде были адресованы корейским экономистам, которые к этому времени еще не сумели издать сколько-нибудь фундаментальных трудов и оказать действенную помощь партии и народу в социалистическом строительстве.

Институт экономики, созданный (как и институт истории) при АН КНДР в 1952 г., призван был стать центром экономической мысли республики. Тем не менее долгое время экономическая наука продолжала отставать. Период собирания сил, подготовки квалифицированных специалистов затянулся дольше, чем в исторической науке. Лишь в период, последовавший за IV съездом ТПК, стали появляться фундаментальные экономические исследования. Первая половина 60-х годов отмечена выпуском ряда работ, посвященных конкретным проблемам строительства социалистической экономики в КНДР. К их числу относятся произведения ученых-экономистов Хон

Даль Сона и Син Чже Хо «Механизация в сельском хозяйстве нашей страны» (1961 г.), Хон Даль Сона «Творческое применение принципа материальной заинтересованности в сельском хозяйстве нашей страны» (1963 г.), Чон Тхэ Сина «Творческое решение нашей партией вопроса о темпах и пропорции» (1964 г.), Ан Кван Чжый «Социалистическое накопление в народном хозяйстве нашей страны» (1964 г.), Цой Чжу Гыка «Структура отраслей народного хозяйства и темпы экономического развития» (1965 г.) и др.

В 1963 г. была выпущена коллективная монография, написанная сотрудниками института экономики,—«Строительство самостоятельной национальной экономики». Она была посвящена теоретическому обоснованию экономического курса ТПК, о чем говорится в предисловии [174, 1]. В книге делается попытка разъяснить теоретические основы экономической политики партии.

В ней подчеркивается, что строительство самостоятельной национальной экономики предполагает полное использование прежде всего собственных возможностей и укрепление на этой базе пролетарского интернационализма, классового союза с социалистическими странами. «Самостоятельность, на которой мы настаиваем, отнюдь не противоречит пролетарскому интернационализму, наоборот, она нацелена на дальнейшее его укрепление» [58]. Более того, для достижения полной победы социализма корейскому народу необходима всемерная поддержка и помощь социалистических стран, укрепление дружбы и сплоченности с ними. В речи, посвященной 20-й годовщине создания Корейской Народно-Демократической Республики, в сентябре 1968 г. Ким Ир Сен говорил: «Для достижения окончательной победы революции пролетариат каждой страны, пришедший к власти, должен всемерно наращивать свои собственные революционные силы и одновременно с этим пользоваться активной поддержкой и помощью со стороны других отрядов мировой социалистической революции и укреплять подлинную интернациональную солидарность с рабочим классом всех стран и угнетенными народами всего мира» [58].

Как учит история, для успешного строительства социализма партии рабочего класса должны тщательно изучить прежде всего опыт первого в мире социалистического государства — Советского Союза, чтобы использовать

его с учетом специфических условий своих стран. Для творческого использования этого опыта и самостоятельной его проверки в современных условиях, когда размах и масштабы развития мирового социалистического хозяйства стали гигантскими, требуется огромный запас теоретических сил. В истории человечества нередки случаи, когда неправильные, недостаточно научно обоснованные теории приводили как политических деятелей, так и целые политические партии к банкротству. Общеизвестно, какое огромное значение придавал В. И. Ленин передовой революционной теории. Он писал: *«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»* [5, т. 6, 25]. Это положение в одинаковой степени относится к естественным и к общественным наукам, в том числе к теории экономического развития.

В социалистическом, планово организованном обществе знание законов общественного развития и механизма их действия, точный учет реальных возможностей, опыта и знаний играет важнейшую роль. Наука социалистического общества как часть социалистической культуры опирается на все прогрессивные завоевания человеческой мысли, и потому ей чужды такие черты, как национальная обособленность и ограниченность.

Разработке общих научно-технических проблем способствует расширение научно-технического сотрудничества социалистических стран. Этому вопросу уделяют большое внимание страны — участницы СЭВ. При СЭВ существует постоянная Комиссия по координации научных и технических исследований, которая периодически созывает научные симпозиумы ученых, совещания руководителей комитетов по науке и технике стран — членов СЭВ. Эти страны проводят совместные исследования по многим комплексным многоотраслевым проблемам, над которыми работают сотни научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских бюро и других научных организаций. В 1963 г. почти 200 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро Советского Союза в содружестве с институтами других стран — членов СЭВ изучали около 600 проблем [190, 1965, № 4, 87]. К настоящему времени в результате всемерного развития и углубления научно-технического сотрудничества между странами — членами СЭВ обеспечено развитие не-

посредственных научно-технических связей между отраслевыми промышленными министерствами этих стран и сотрудничающими научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями. В органах СЭВ разрабатываются предложения об основных направлениях научных и технических исследований на длительный период с тем, чтобы ликвидировать параллелизм и способствовать концентрации сил и средств на важнейших проблемах, представляющих взаимный интерес [9].

Наука в КНДР достигла значительных успехов; она оказывает большое влияние на развитие социалистической экономики. Крупный научный центр — Академия наук КНДР — в 1962 г. объединял 21 научно-исследовательский институт [203, 1962, № 6, 2]. Для научных учреждений КНДР характерна тесная связь с производством.

Научно-исследовательские институты Академии наук имеют свои лаборатории на крупных промышленных предприятиях. Сотрудники этих лабораторий принимают непосредственное участие в производстве. Такая связь теории с практикой позволяет научным учреждениям решать сложные технические проблемы. К 1962 г. АН КНДР имела 20 лабораторий и научных баз на крупнейших предприятиях страны. В них работало более 1500 сотрудников [203, 1962, № 6, 2].

В республике разработаны планы размещения производительных сил с учетом географических и климатических условий страны. Проведена большая работа по обследованию песчаной отмели на западном побережье. Выяснилось, что более половины этой отмели — 155 тыс. чонбо из 300 тыс.— доступно для обработки [203, 1962, № 2, 5].

[9] Так, на состоявшемся в октябре 1968 г. в Москве совещании руководителей комитетов и министерств по науке и технике восьми стран — членов СЭВ его участники обменялись информацией о состоянии и тенденциях развития важнейших отраслей науки и техники, об осуществляемых мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники, об опыте их прогнозирования и планирования. На совещании обсуждались также вопросы, связанные с совместным выполнением наиболее важных научно-технических разработок, созданием заинтересованными сторонами на двусторонней и многосторонней основе совместных научно-технических коллективов, и другие вопросы научно-технического сотрудничества.

Достигнуты значительные успехи по внедрению в производство технологии синтетического волокна — винало-на, освоено производство хлорвинила. Большие достижения имеются в исследовании полупроводников и налаживании их производства, в решении актуальных проблем развития промышленности на основе использования отечественного сырья. Изучаются возможности использования новых источников энергии — температуры земных недр, энергии приливов и отливов, исследуются ультразвук и высокочастотные токи для внедрения их в производство и строительство.

В 1961—1967 гг. большое внимание уделялось широкому развитию естественно-технических наук: математики, физики, механики, биологии, неорганической химии; первостепенное значение придается развитию тех отраслей науки, которые тесно связаны с радиоэлектроникой, автоматикой, ядерной техникой.

Это диктовалось практической необходимостью осуществления в дальнейшем широких планов механизации, автоматизации и электрификации народного хозяйства.

Академик Ли Сын Ги в своей речи на IV съезде ТПК заявил, что в настоящее время «корейская наука в состоянии самостоятельно форсировать решение всех задач, поставленных перед ней практикой социалистического строительства» [211, 17.IX. 1962].

Дальнейшее развитие корейской науки в русле мировой, достижение ею научно-технического уровня передовых стран неразрывно связаны с активным постижением опыта науки других стран на основе всемерного расширения сотрудничества со всеми социалистическими странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования новой корейской интеллигенции состоял из двух потоков: использование старых специалистов и создание новой интеллигенции из рабочих и крестьян.

В период колониального господства японского империализма формирование корейской интеллигенции искусственно тормозилось. В результате Корея не располагала сколько-нибудь значительными кадрами научно-технической и гуманитарной национальной интеллигенции.

Наиболее многочисленными были преподаватели, которых в 1944 г. насчитывалось около 13,5 тыс. Весьма незначительную группу составляли технические специалисты. Одной из главных причин их малочисленности явилась политика национальной дискриминации, проводимая японскими колонизаторами в области технического образования и использования технических специалистов. В отношении подготовки и использования тех групп специалистов, которые не были непосредственно связаны с военно-промышленным производством, японские империалисты хотя и чинили ограничения, но не столь жесткие, как в отношении технических кадров. Они обучались в Сеульском университете, в юридическом, фармацевтическом, медицинском и агрономическом колледжах и в педагогических школах Кореи, а также в высших учебных заведениях Японии, Германии, США и т. д.

Такое соотношение различных групп старой корейской интеллигенции свидетельствует о традиционном для отсталых, аграрных стран характере профессиональной подготовки специалистов. В нем как в зеркале отразилась отсталость корейской экономики, слабость национального капитала, который не в состоянии был ни подготовить национальные технические кадры, ни обеспечить ими свои промышленные предприятия.

Старая корейская интеллигенция была разнородной как по своей классовой принадлежности, так и по реальному положению ее в экономической и политической жизни общества. Значительную ее часть составляли мелкобуржуазные интеллигенты. Ее социальная неоднородность соответственно порождала и различие политических воззрений. Особенно отчетливо это проявилось в общественно-политической жизни 20—40-х годов XX в.

Если до и во время первомартовского выступления 1919 г., в котором активную роль сыграла национальная интеллигенция, ее можно было в целом считать антиимпериалистически настроенной, то к 1945 г. положение изменилось. С переходом значительной части национальной буржуазии в 30—40-е годы на сторону компрадорской буржуазии и началом ее сотрудничества с колонизаторами многие интеллигенты изменили свои прежние идейные позиции, выступая в защиту сотрудничества с японскими империалистами.

Разумеется, между этими двумя позициями буржуазной интеллигенции было немало переходных течений и различных оттенков политических взглядов.

Учитывая, что большая часть корейской интеллигенции до освобождения была сосредоточена в культурных центрах Юга и что дважды в послевоенной корейской истории (1945—1949 гг.; 1950—1953 гг.) создавались крайне благоприятные условия для размежевания по признаку классового сознания и классовой ориентации, можно предположить, что подавляющая часть контрреволюционно настроенной национальной интеллигенции в 50-х годах оказалась в Южной Корее.

Для большей части старой корейской интеллигенции как интеллигенции колониальной страны, испытавшей на себе в полной мере ущемление и унижение чувства национального достоинства, был характерен антиимпериалистический национализм. В этом смысле она отличалась от буржуазной интеллигенции ряда западных стран народной демократии.

В строительство новой жизни активно включилась революционная часть старой интеллигенции, которая непосредственно участвовала в антияпонской борьбе и после освобождения составляла костяк вновь создаваемой интеллигенции. Кроме того, партия привлекала к социалистическому строительству всех старых специалистов,

всех, кто признавал и активно участвовал в создании народных комитетов, в развитии народно-демократического строя. Определяющим при оценке прочности убеждения старых специалистов считались успехи на трудовом фронте.

В создании новой интеллигенции одновременно с использованием старых кадров главное внимание уделялось подготовке в высших учебных заведениях страны и за ее пределами специалистов из представителей трудового народа.

По своим характерным чертам, по качественным и количественным изменениям процесс создания национальной интеллигенции КНДР изучаемого периода (1945—1962 гг.) можно подразделить на три этапа: 1945—1953 гг.— довоенные и военные годы; 1953—1956 гг.— послевоенный период; 1956—1962 гг.— период интенсивной подготовки специалистов преимущественно внутри страны.

На первом этапе все мероприятия правительства были направлены на строительство высших учебных заведений и создание системы краткосрочных курсов (от 6 месяцев до 2 лет), обеспечивших производство в кратчайший срок кадрами специалистов. В этот период при братской помощи Советского Союза была заложена в республике материально-техническая база высшего образования. Одновременно в этот период началась также посылка учащихся на учебу в Советский Союз и другие социалистические страны, особенно усилившаяся в годы войны.

Второй период охватывает годы восстановления народного хозяйства. С ним связано восстановление старых и строительство новых высших учебных заведений. Этот период характерен началом интенсивной подготовки новых специалистов, особенно технических, призванных сыграть решающую роль в проведении технической революции. Так, по решению шестого пленума ЦК ТПК 1953 г. удельный вес студентов, обучавшихся техническим специальностям, возрос до 70% общего числа всех студентов республики. Такое превалирование студентов, изучающих точные и естественные науки, было обусловлено необходимостью ликвидировать унаследованное от колониального прошлого экономическое отставание страны, необходимостью создания материально-технической базы социализма, резкого подъема ее индустриального

развития, что требует большой армии технических специалистов. Конечно, в дальнейшем возможно изменение такого соотношения между студентами-техниками и студентами, изучающими общественные науки, литературу и искусство. Но в середине 50-х годов КНДР по удельному весу подготавливаемых технических специалистов занимала одно из первых мест в мире (7 : 3) [1]. Следует заметить, что политика, направленная на преимущественную подготовку технических специалистов, характерна для всех социалистических стран с их опережающими темпами развития промышленного производства.

Третий этап в подготовке специалистов в КНДР начался в 1956 г. и характеризовался преимущественной подготовкой специалистов внутри страны — в национальных институтах и постепенным сокращением контингента корейских студентов, направляемых на учебу в другие социалистические страны. В КНДР было открыто много высших учебных заведений. По данным корейской статистики, в 1962 г. их было 93. Развивающееся производство страны, вступающей в полосу промышленной реконструкции, во все возрастающей степени требовало квалифицированных специалистов. Чтобы удовлетворить эти потребности, правительство КНДР наряду с увеличением системы дневных высших учебных заведений всемерно расширяло сеть вечернего и заочного обучения. Высшие технические учебные заведения, открывшиеся на промышленных предприятиях и других производственных пунктах, а также все вечерние институты по постановлению расширенного августовского пленума ЦК ТПК 1960 г. стали включаться в общее число высших учебных заведений КНДР.

Но тем не менее стране нужны были специалисты новых направлений науки и техники, новых областей производства. Подготовить специалистов подобных профилей, как отмечалось на августовском расширенном пленуме ЦК ТПК 1960 г., можно было в братских социалистических странах, и прежде всего в Советском Союзе.

---

[1] Небезынтересно отметить, что в разных странах соотношение числа студентов, изучающих точные и естественные науки, и студентов, изучающих литературу и искусство, различно. Так, в 1956 г. в советских университетах оно исчислялось пропорцией 5 : 1 в пользу естественных наук, в Англии оно было равно 1 : 1 [182, 1956, № 6, 319].

Важную роль в развитии высшей школы и технического образования в КНДР сыграла реформа системы народного образования, которая проводилась дважды — в 1959 и 1967 гг. По реформе 1959 г. все учащиеся после всеобщего обязательного семилетнего образования должны были обучаться в специализированных двухлетних технических школах, а затем — в двухлетних высших технических школах, которые давали своим выпускникам одну или две технические специальности.

Введение в 1967 г. всеобщего обязательного девятилетнего политехнического обучения является, на наш взгляд, важным средством повышения культурно-технического уровня населения КНДР, позволяющим восполнить исторически упущенное в области технического образования, а затем подтянуться до уровня передовых стран. Эта мера призвана содействовать качественному улучшению производительных сил общества, что в свою очередь окажет непосредственное влияние на повышение производительности труда.

Корейский опыт организации среднего политехнического образования может быть интересным и полезным для стран, бывших в прошлом аграрно-отсталыми, не имевших своей технической интеллигенции, а ныне вступивших на путь социального прогресса. В этом смысле он заслуживает самого серьезного внимания.

В конце третьего периода (1962 г.) в КНДР была создана большая армия национальной народной интеллигенции, социально и политически однородная, кровно заинтересованная в осуществлении планов социалистического строительства в своей стране. К концу 1961 г. все промышленные предприятия республики, оборудованные сложными современными механизмами, управлялись национальными инженерно-техническими кадрами; в 1962 г. в КНДР насчитывалось 233 тыс. технических специалистов.

В эти же годы в республике была создана национальная художественная интеллигенция, насчитывавшая в своих рядах свыше 10 тыс. творческих работников.

Современный мировой научно-технический прогресс требует стремительного развития науки во всех странах. Поэтому задача подготовки кадров научной интеллигенции имеет первостепенное значение.

Одним из основных факторов стремительного разви-

тия современной мировой науки является взаимовлияние и взаимообогащение каждой национальной науки лучшими достижениями науки других стран путем всемерного развития сотрудничества и научной информации между странами.

Как учит опыт КНДР, для достижения научно-технического уровня развитых стран государствам, недавно освободившимся от колониального угнетения и вставшим на социалистический путь развития, особенно необходимо использование накопленных в мире знаний путем всемерного развития научно-технического сотрудничества. Только на этой основе можно ликвидировать созданный прежним колониальным положением страны разрыв между ней и развитыми странами в научно-техническом отношении, приобщиться к передовой науке и технике и идти в ногу с современными темпами развития мировой науки.

Значение такого сотрудничества многократно возрастает в условиях современной научно-технической революции. Особо важное значение приобретает расширение сотрудничества с экономически развитыми социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом — родиной мирного использования атомной энергии и исследования космоса, занимающим по ключевым отраслям знаний передовые позиции в мире.

Всемерное расширение сотрудничества с социалистическими странами, обмен опытом, знаниями, специалистами и установление взаимной научной информации, являющиеся важнейшими условиями эффективного проведения научных исследований, будут способствовать дальнейшему достижению корейским народом научного и технического прогресса.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Труды основоположников марксизма-ленинизма [1]

1. К. Маркс, Критика Готской программы, т. 19.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, т. 4.
3. Ф. Энгельс, Предисловие к «Крестьянской войне в Германии», т. 1.
4. В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов), т. 1.
5. В. И. Ленин, Что делать?. Наболевшие вопросы нашего движения, т. 6.
6. В. И. Ленин, Партийная организация и партийная литература, т. 12.
7. В. И. Ленин, Памяти графа Гейдена (Чему учат народ наши беспартийные «демократы»?), т. 16.
8. В. И. Ленин, Тезисы по национальному вопросу, т. 23.
9. В. И. Ленин, Рабочий класс и национальный вопрос, т. 23.
10. В. И. Ленин, Еще о разделении школьного дела по национальностям, т. 24.
11. В. И. Ленин, Как епископ Никон защищает украинцев?, т. 24.
12. В. И. Ленин, Нужен ли обязательный государственный язык?, т. 24.
13. В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, т. 24.
14. В. И. Ленин, Развращение рабочих утонченным национализмом, т. 25.
15. В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, т. 25.
16. В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, т. 26.
17. В. И. Ленин, Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г., т. 35.
18. В. И. Ленин, Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г., т. 36.
19. В. И. Ленин, Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. Краткая протокольная запись, т. 36.
20. В. И. Ленин, Очередные задачи Советской власти, т. 36.
21. В. И. Ленин, Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г., т. 37.

[1] Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по 2-му изданию; произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

22. В. И. Ленин, Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г., т. 37.
23. В. И. Ленин, Ценные признания Питирима Сорокина, т. 37.
24. В. И. Ленин, Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г., т. 38.
25. В. И. Ленин, VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г., т. 38.
26. В. И. Ленин, Успехи и трудности Советской власти, т. 38.
27. В. И. Ленин, I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г., т. 38.
28. В. И. Ленин, Проект программы РКП(б), т. 38.
29. В. И. Ленин, Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»), т. 39.
30. В. И. Ленин, К Международному дню работниц, т. 40.
31. В. И. Ленин, Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г., т. 40.
32. В. И. Ленин, Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.), т. 41.
33. В. И. Ленин, О пролетарской культуре, т. 41.
34. В. И. Ленин, Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г., т. 41.
35. В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41.
36. В. И. Ленин, Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г., т. 42.
37. В. И. Ленин, О работе Наркомпроса, т. 42.
38. В. И. Ленин, Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., т. 44.
39. В. И. Ленин, О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова), т. 45.
40. В. И. Ленин, О кооперации, т. 45.
41. В. И. Ленин, Лучше меньше, да лучше, т. 45.
42. В. И. Ленин, Странички из дневника, т. 45.

Работы и выступления руководящих деятелей СССР, КНДР и международного коммунистического и рабочего движения

На русском языке

43. Л. И. Брежнев, Речь на III съезде ТПК, — Материалы III съезда ТПК, М., 1957.
44. Л. И. Брежнев, Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС, М., 1966.
45. Л. И. Брежнев, Речь на Всесоюзном съезде учителей,— «Правда», 5 июня 1968 г.
46. Л. И. Брежнев, За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. Выступле-

ние главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1969 г., — «Правда», 8 июня 1969 г.

47. В. Гомулка, Выступление на встрече с партийным активом Варшавы, — «Правда», 22 марта 1968 г.

48. В. Гомулка, Выступление на пленуме ЦК ПОРП, — «Правда», 16 июля 1968 г.

49. Я. Кадар, Речь на XXIII съезде КПСС, — «Правда», 1 апреля 1966 г.

50. Ким Ир Сен, Все силы на послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства. Доклад на шестом пленуме ЦК Трудовой партии Кореи 5 августа 1953 г., — Избранные статьи и речи, М., 1962.

51. Ким Ир Сен, О некоторых вопросах партийной и государственной работы на данном этапе социалистической революции. Заключительное слово на пленуме Центрального комитета Трудовой партии Кореи 4 апреля 1955 г., — Избранные статьи и речи, М., 1962.

52. Ким Ир Сен, О дальнейшем усилении классово-воспитательной работы среди членов партии, Пхеньян, 1961.

53. Ким Ир Сен, Отчетный доклад Центрального комитета Трудовой партии Кореи III съезду ТПК 23 апреля 1956 г., — Избранные статьи и речи, М., 1962.

54. Ким Ир Сен, О задачах молодежи в строительстве социализма. Речь на республиканском слете молодых строителей социализма 19 марта 1958 г., — Избранные статьи и речи, М., 1962.

55. Ким Ир Сен, За осуществление политики нашей партии в области юстиции. Речь на республиканском совещании работников юстиции и прокуратуры 29 апреля 1958 года, — Избранные статьи и речи, М., 1962.

56. Ким Ир Сен, О коммунистическом воспитании. Выступление на Всекорейском семинаре агитаторов городских и уездных партийных комитетов 20 ноября 1958 года, — Избранные статьи и речи, М., 1962.

57. Ким Ир Сен, Отчетный доклад Центрального комитета Трудовой партии Кореи IV съезду партии 11 сентября 1961 г., — Избранные статьи и речи, М., 1962.

58. Ким Ир Сен, По пути социализма и мира, — «Правда», 14 сентября 1968 г.

59. Ф. Р. Козлов, Речь на IV съезде ТПК, — «Правда», 13.IX.1961.

60. А. Н. Косыгин, Речь на митинге дружбы народов КНДР и СССР в Пхеньяне, — «Правда», 31.V.1961.

61. А. Н. Косыгин, Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы, М., 1966.

62. О. Ю. Куусинен, О корейском коммунистическом движении, — «Революционный Восток», 1931, № 11—12.

На корейском языке

63. Ким Ир Сен, Чончхе чакка есульгадылеге (Всем писателям и деятелям искусства), Пхеньян, 1951.

64. Ким Ир Сен, Ким Ир Сен чонъхаптхэхак чанънип иль чунён кинём тэхвеесо чинсульхан хунса (Речь на торжественном заседании, посвященном первой годовщине создания Университета имени Ким Ир Сена), — Избранные произведения, т. I, Пхеньян, 1955.

65. Ким Ир Сен, Мунхва-ва есульын инминыл вихан косыро твеёя ханда (Культура и искусство должны служить народу), — Пхеньян, 1956.

66. Ким Ир Сен, Сахвечжуый нодон чхонънён тонъмэнъый кваопе тэхае (О задачах союза Трудовой Социалистической молодежи), — «Кынночжа», 1964, № 10.

67. Ким Ир Сен, Чосон нодонътанъ чханъгон 20 чунёне чжехаё кёнъчхук тэхвеесо хан чосон нодонътанъ чунъанъ вивонхве вивончжанъ Ким Ир Сен тонъчжиый пого (20-я годовщина со дня основания ТПК, Доклад Председателя ЦК ТПК тов. Ким Ир Сена на торжественном собрании), — «Кынночжа», 1965, № 20.

Документы и материалы

На русском языке

68. «Во имя дружбы с народом Кореи», М., 1965.

69. «Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г.», — «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», М., 1961.

70. «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. Документ, принятый международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г.», — «Правда», 18.VI.1969.

71. «Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г.», — «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», М., 1961.

72. «Коммюнике о международном Совещании коммунистических и рабочих партий», — «Правда», 18.VII.1969.

73. «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики», М., 1952.

74. «Корейская Народно-Демократическая Республика», Пхеньян, 1958.

75. «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи 23—29 апреля 1956 г.», М., 1957.

76. «Материалы XX съезда КПСС», тт. I, II, М., 1956.

77. «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», тт. I, II, М., 1959.

78. «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962.

79. «О преодолении культа личности и его последствий». Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., М., 1956.

80. «Программа КПСС», М., 1961.

81. «Пятнадцать лет развития народного хозяйства и культуры в КНДР после освобождения», Пхеньян, 1960.
82. «Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства в КНДР (1946—1960 гг.)», Пхеньян, 1961.
83. «СССР и страны Востока», М., 1961.
84. «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР», — «Правда», 21 марта 1949 г.
85. «Сообщение ЦСУ при Госплане КНДР об итогах выполнения плана развития народного хозяйства на 1962 год», — «Новости Кореи», 1963, № 8.
86. «IV съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», Пхеньян, 1961.
87. «Экономика стран социалистического лагеря в цифрах 1961 г.», М., 1962.
88. «Экономика социалистических стран в цифрах 1962 г.», М., 1963.

На корейском языке

89. «Чосон минчжучжуый инмин конъхвагук нэгак конъбо 1950 нён (сонъ)» («Вестник Кабинета министров КНДР за 1950 г.»), т. I, Пхеньян, 1951.
90. «Помнёнъ инмин кёюк чхегерыл кэпхён халте тэхаё» («Закон о перестройке системы народного образования в КНДР»), — «Народное образование», 1959, № 11.
91. «Чосон минчжучжуый инмин конъхвагук. Чхвего инмин хвеый. Санъим вивонхве. Чосон минчжучжуый инмин конъхвагук помнёнъ мит чхвего инмин хвеый санъим вивонхве чонънёнъ чип (санъ, ха)» («КНДР. Верховное народное собрание. Президиум. Сборник законов КНДР и постановлений Президиума Верховного народного собрания»), т. I, Пхеньян, 1954.
92. «Чосон минчжучжуый инмин конъхвагук ёнхёк (1953—1957)» («Путь, пройденный АН КНДР (1953—1957 гг.)», Пхеньян, 1957.
93. «1946—1960 чосон минчжучжуый инмин конъхвагук инмин кёнчже пальчжон тхонъгйечип» («Сборник статистических данных КНДР, 1946—1960 гг.»), Пхеньян, 1961.
94. «Тэ пэкхва сачжон» («Большой корейский энциклопедический словарь»), т. 1, 2, 7, Сеул, 1958—1960 гг.
95. «Чосон чунъанъ... ёнгам» («Центральный Корейский Ежегодник») (1949—1965 гг.), Пхеньян.

На японском языке

96. «Тоицу тёсон нэнкан (One Korea Year Book, 1964). 1964» («Ежегодник по обеим частям Кореи. 1964»), Токио, 1963.
97. «Канкоку нэнкан, 1966» («Ежегодник по Южной Корее. 1966»), Токио, 1965.
98. «Канкоку нэнкан. 1968» («Ежегодник по Южной Корее. 1968»), Токио, 1968.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

99. Аросенко К. П., Рост культуры советского общества, М., 1958.

100. Акира Ивасаки, История японского кино, М., 1966.

101. Александров А. П., Исследование по истории восточной философии, — «Вопросы философии», № 2, 1948.

102. Арнольдов А. И., Социалистическая культурная революция в европейских странах народной демократии, М., 1962.

103. Арнольдов А. И., Социализм и культура, М., 1962.

104. Арнольдов А. И., Общие закономерности и особенности развития культурной революции в странах народной демократии (автореферат), М., 1962.

105. Арнольдов А. И., Новак Г., Культура народного Китая, М., 1959.

106. Баянов Б., Народная Корея на пути к социализму, М., 1959.

107. Бружек М., Закономерности культурного развития в период развернутого строительства социализма в ЧССР (автореферат), М., 1964.

108. Быков Ф. С., Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае (автореферат), М., 1964.

109. «Все о балете (справочник)», М., 1965.

110. «Вопросы культурной революции в КНР», М., 1961.

111. Гражданцев А., Корея, М., 1948.

112. Григорьянц А. К., Формирование и развитие технической интеллигенции Армении, Ереван, 1966.

113. Дадашев Т. П., Реформы в области образования и проблема подготовки кадров в Турции (1923—1939 гг.) (автореферат), М., 1967.

114. Джарылгасинова Р. Ш., Монументальная живопись древнекогурёсских гробниц, — «Проблемы востоковедения», № 1, 1959.

115. Иванова В. И., Из истории пролетарского литературного движения в Корее (1924—1934 гг.), — «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. XXIV, М., 1958.

116. Иванова В. И. и Ерёменко Л. Е., Культурная революция в КНДР, — «Очерки социалистического строительства в КНДР», М., 1963.

117. Иванова В. И., Ли Ги Ен. Жизнь и творчество, М., 1962.

118. «Изобразительное искусство социалистических стран. Выставка. 1958. 1959», М., 1960.

119. «Иностранцы о Корее», Пхеньян, 1963.

120. «История медицины за рубежом», М., 1959.

121. Казакевич И. С., Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны, М., 1958.

122. Капица М. С., Иваненко В. И., Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения), М., 1965.

123. Каршинов Л. Н., В интересах КНДР и СССР, — «Внешняя торговля», № 10, 1960.

124. Каршинов Л. Н. и Королев П. Г., Экономическое строительство в КНДР, — «Корея — Север и Юг», М., 1966.
125. Ким Г. Ф., Экономическое и культурное сотрудничество в Корейской Народно-Демократической Республике, — «Вопросы истории», № 6, 1954.
126. Ким Г. Ф., Рабочий класс новой Кореи, М., 1960.
127. Ким Г. Ф., Казакевич М., Мазур Ю., Предисловие к сокращенному переизданию кн. «Описание Кореи», М., 1960.
128. Ким М. П., 40 лет советской культуры, М., 1957.
129. Ким М. П., Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР, М., 1955.
130. Ким М. П., Советская культура, М., 1957.
131 Ким М. П., О закономерностях культурной революции, — «Вопросы истории», № 5, 1960.
132. Ким М. П., Коммунизм и культура, М., 1961.
133. Ким М. П., Из истории советской интеллигенции (сборник статей), М., 1966.
134. Кочетов А. И., Буддизм, М., 1965.
135. Крыжицкий Г., Экзотический театр (Ява, Индо-Китай, Турция, Персия, Корея), Л., 1927.
136. Мазуров В. М., Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940 гг.), М., 1958.
137. Левина Л. М., Искусство Кореи, — «Искусство Китая, Кореи, Монголии, Вьетнама, Японии», М., 1959.
138. Нихамин В. П., Тягай Г. Д., Шабшина Ф. И., Исторический очерк (с древних времен до освобождения в 1945 г.), — «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954.
139. «Новые достижения корейской медицины», Пхеньян, 1962.
140. «Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах», М., 1960.
141. «О закономерностях возникновения и развития социалистического общества», М., 1960.
142. «Описание Кореи», М., 1960.
143. «Очерки истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953.
144. Петрова О. П., Описание письменных памятников корейской культуры, М.—Л., 1956.
145. «Показатели экономического развития социалистических стран. Методология сопоставления и анализа», М., 1966.
146. Попов В. Н., Борьба ТПК за культурное строительство в Северной Корее (1945—1950 гг.) (диссертация), М., 1956.
147. Прокофьев О. С., Современное искусство социалистических стран Востока, М., 1961.
148. «Против ревизионизма в искусстве и искусствознании», М., 1959.
149. Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947.
150. Радусь-Зенкович Р., Маньчжурско-корейский театр и наши вероятные в нем противники японцы, китайцы и корейцы, Вильна, 1909.
150«а». Румянцев А. М., Проблемы современной науки об обществе, М., 1969.
151. Сафразьян Н. Л., Борьба КПСС за строительство со-

ветской высшей школы в 1921—1927 годах (автореферат), М., 1964.
152. Смирнов А. Г., Научно-техническая интеллигенция Индии, М., 1967.
153. Ульяновская В. А., Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917—1937 гг., М., 1966.
154. Шабшина Ф. И., Народное восстание 1919 г. в Корее, М., 1958.
155. Шабшина Ф. И., Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953), М., 1958.
156. Шабшина Ф. И., Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.), М., 1959.
157. Шабшина Ф. И., Со скоростью Чхонлима. В новой Корее, М., 1960.
158. Шабшина Ф. И., Социалистическая Корея, М., 1963.
159. Шаров Е. Ф., Подъем благосостояния и культурного уровня народных масс в КНДР, — «15 лет освобождения Кореи», М., 1960.
160. Щедров И. М., Южный Вьетнам сегодня, М., 1962.
161. Щетинин Б. В., Демократические преобразования в Северной Корее и образование Корейской Народно-Демократической Республики, — «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954.
162. Шипаев В. И., Корейская буржуазия в национально-освободительном движении, М., 1966.
163. Чоппе В., Борьба за вовлечение интеллигенции в строительство социализма в ГДР (автореферат), М., 1960.
164. Ян Юн Го, История древнекитайской идеологии, М., 1957.
165. Яровой В., Корея — военный плацдарм японского империализма, М., 1940.

На корейском языке

166. «Чосон чхолхакса» (История корейской философии), Пхеньян, 1961
167. Ким Ён Чан, Таньый квахак чончхэкыл чхолчохи кванчхолхаё чонмёнчжок кисуль кэгонква мунхва хёнмены тхеук чхокчин (Последовательно осуществляя политику партии в области наук, ускорим всесторонний технический прогресс и культурную революцию), — «Вестник АН КНДР», № 6, 1962.
168. Ким Сек Хён, Хэбанъху чосон ексахакый пальчжон (Развитие нашей исторической науки после освобождения), — «Ёкса квахак», № 2, 1962.
169. Ким Хэ Гюн, Намчосон пандонъ мунхакква куми бурычжёа пандонъ муне сасантъый ёнъхянъ» (Влияние идей западноевропейской и американской реакционной буржуазной литературы на южнокорейскую реакционную литературу), Пхеньян, 1965.
170. «Чосон мунхва юмуль» («Культурное наследие Кореи»), Пхеньян, 1960.
171. Ли Ён Тхя, Ури сончжодырый чаранъ (Гордость за наших предков), Пхеньян, 1956.
172. «Чосон нодонътанъы муне чонъчхэк-ква хэбанъху мунхак» («Политика Трудовой партии Кореи в области литературы и искусства. Литература после освобождения»), Пхеньян, 1961.

173. «Инмин кёюк пальчжон 15 нён» («15 лет развития народного образования»), Пхеньян, 1960.
174. «Ури нараесо чарипчжок минчжок кенъчжеый консоль» («Строительство самостоятельной национальной экономики в нашей стране»), Пхеньян, 1963.
175. «Нам чосон хаксэнъ ундонъ» («Студенческое движение в Южной Корее»), Пхеньян, 1964.
176. Хо Ин Хёк, Ури нараесоый сахвечжуый интхериый хёнъсонъ-ква чанъсонъ («Образование и рост социалистической интеллигенции в нашей стране), Пхеньян, 1960.
177. «Мичже канъчжом хаый нам чосон (кёюкпхён)» («Южная Корея под американской оккупацией (образование)»), Пхеньян, 1963.
178. Юн Се Пхён, Хэбанъчон чосон мунхак (Корейская литература до освобождения), Пхеньян, 1958.

На западноевропейских языках

179. «Korea Its Land, people and culture of all ages», Seoul, 1960.
180. Eckardt Andreas, Geschichte der koreanischen Kunst, Leipzig, 1929.
181. Lessen Peter, Japan, Korea, China. Reisestudien eines Kunstfreundes, Leipzig, 1921.

Периодические издания

Журналы

На русском языке

182. «Бюллетень Всемирной федерации научных работников», 1953—1966 гг.
183. «Вестник высшей школы», 1965, № 2, 3.
184. «Вопросы истории», 1950—1966.
185. «Вопросы истории КПСС», 1965—1966.
186. «Вопросы философии», 1948, 1965—1969.
187. «Вопросы языкознания», 1953, № 3.
188. «Иностранная литература», 1955, № 5.
189. «Информационный бюллетень ЦК ТПК», 1960.
190. «Коммунист», 1960—1966.
191. «Народы Азии и Африки», 1964—1966.
192. «Новая Корея», 1950—1962.
193. «Новости Кореи», 1957—1965.
194. ««Проблемы мира и социализма», М., 1965.
195. «Революционный Восток», 1931—1932.
196. «Театр», 1954, № 8.

На корейском языке

197. «Екса квахак», 1961—1963.
198. «Инмин кёюк», 1948—1962.

199. «Кодын мит кисуль кёюк», 1959—1960.
200. «Кынночжа», 1960—1966.
201. «Нам чосон мунчже», 1967.
202. «Чосон есуль», 1956—1963.
203. «Чосон минчжучжуый инмин конъхвакуквон тхонбо», 1960—1962.
204. «Чосон мисуль», 1959—1962.

Газеты

На русском языке

205. «Литературная газета», 1950—1966.
206. «Московский кинофестиваль», 1961.
207. «Правда», 1949—1966.
208. «Советская культура», 1954.

На корейском языке

209. «Конъоп синмун», 1949.
210. «Мунхак синмун», 1963—1966.
211. «Нодон синмун», 1953—1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава 1. Интеллигенция колониальной Кореи 9
Глава 2. Приобщение старой корейской интеллигенции к народно-демократическому строительству 38
Глава 3. Создание новых кадров народной интеллигенции 57
Заключение 95
Библиография 101

Светлана Георгиевна Нам

ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КНДР (1945—1962 гг.)

Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Б. Л. Модель*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *А. А. Шамаева*

Сдано в набор 16/XII 1969 г.
Подписано к печати 27/III 1970 г.
А-01448. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1
Печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 6,02
Тираж 1400 экз. Изд. № 2454
Зак. № 1438. Цена 38 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 38 к.